

Мактуб. Книга 2. Пески Махруса

Автор:

[Алекс Д](#)

Мактуб. Книга 2. Пески Махруса

Алекс Д

Лана Мейер

Восточные (не)сказки #4

Соглашаясь на новое задание, Эрика даже представить себе не может, что окажется эксклюзивным «товаром», выставленным на одном из самых знаменитых аукционов Ближнего Востока... именно здесь ей и предстоит вновь столкнуться с Джейданом Престоном, никем иным, как агентом анмарских спецслужб. Маска художника сброшена. И теперь он тот, кто купил ее. Он тот, от кого в затерянных и самых удаленных уголках пустыни зависит вся ее жизнь... Джейдан Мы будем гореть дотла, до черных шрамов, до криков отчаяния, ненависти, боли и похоти, разносящихся над пепелищем. Судьба настигла нас... снова, и на этот раз завершит начатое. И, если я не смогу спасти тебя, то останусь. Мы будем гореть, Эйнин. Вместе. Эрика Я должна была остаться рядом и держать тебя за руку до тех пор, пока опасность не отступит, и убедиться, что бездна не поглотила тебя, забрав в лапы смерти... Но я этого не сделала.

Алекс Д, Лана Мейер

Мактуб. Книга 2. Пески Махруса

Пролог

«Отношения истинных влюблённых подобны агату – прекрасному и прочному камню, описанному в легендах...»

(с)

Полгода спустя

г. Асад, страна Анмар

Эрика

– С возвращением домой, Эрика, – слегка вздрагиваю, как только мрачный и слегка сонный после длительного перелета голос Зейна возвращает меня в реальность. Не думала, что он зайвится в мой номер так быстро. По заданию Зейн лишь играет роль моего любовника, и мне бы не хотелось, чтобы Хассан «вжился в роль» и решил, что теперь, когда мы почти двадцать четыре часа на семь вынуждены проводить вместе, – ему позволено переступить черту служебных отношений.

Последние несколько минут, растянувшихся в вечность, я пребывала в состоянии полнейшего оцепенения. Стоило мне распахнуть панорамную дверь, ведущую на балкон номера, как я мысленно перенеслась за грань реальности...

Внутренности болезненно сжались, когда под прикрытыми веками я вновь увидела кадры из страшного фильма, что в девятилетнем возрасте пережила наяву. Боевик, душераздирающая драма, трагедия. И назывался он «Аззамаский теракт».

До боли стискиваю зубы, влажными ладонями с большей силой сжимаю балконный поручень и, прищурив веки, вглядываюсь в каждую деталь простирающейся подо мной столицы Анмара – современного, роскошного Асада, что за последние годы разросся до поразительных размеров и стал олицетворением величия и роскоши, бриллиантовым венцом для всего Ближнего Востока. Не так давно территория, которая сейчас застроена небоскребами, представляла собой пустынные барханы, по которым бродили кочевники и

бедуины на своих верблюдах. После обнаружения в недрах Анмарской земли крупных запасов алмазов и нефти, ситуация резко поменялась, и теперь столица страны – город Асад похож на Нью-Йорк, лишь с той разницей, что находится на берегу Персидского залива, и здесь всегда настолько жарко, что я не представляю, как местные женщины выживают в этом горячем городе, будучи замотанными в национальную одежду.

Хотя... разве не представляю?

Когда-то я фактически не снимала ее. Отец настаивал на парандже и никабе, который открывал взору других лишь мои глаза, поэтому я редко опускала их в пол, жадно впитывая этот мир взглядом, поскольку не могла полноценно ощутить его кожей... не знаю, о чем я мечтала больше: о том, что однажды прочувствую палящие лучи утреннего солнца, приятно пронизывающие тело, или все же тайно желала лишь одного: чтобы он увидел меня такую, какая я есть. Увидел и больше бы не смог отвести взгляд, как и от михраба, по поверхности которого плавно, размеренно, но четко скользила кисть моего тайного возлюбленного. Я всегда думала, что всего лишь моих глаз будет недостаточно для того, чтобы юный творец выделил меня из толпы.

И теперь с приятным трепетом я осознаю, что ошибалась... он выделил меня.

Он знал меня.

И все эти годы художник меня помнил.

А главное – он жив.

Желания к прежнему одеянию возвращаться у меня нет, но я с удовольствием надела голубое платье без бретелек в пол и накинула кардиган с длинными рукавами сверху. Я выгляжу романтично и лаконично, придраться к моему образу или обвинить в распутстве сейчас нельзя. И пусть я больше не верю в того Бога, четкие заветы которого внушал мне отец, я глубоко уважаю традиции земли, на которой я родилась, и на которой сейчас нахожусь.

Семьдесят седьмой этаж, мы в отеле, расположенном в одном из самых высоких зданий мира. Солнечные лучи, касаясь зеркальных стен небоскребов, делают их похожими на сверкающие алмазы, скрывающиеся в недрах Анмара. Этот город

ослепляет своей красотой – намеренно и жестоко предстает передо мной в удивительном свете, открывая пейзаж, на который хочется смотреть бесконечно... показывая мне картину, скрывающую другую сторону медали этой страны, настоящий «черный квадрат», закрытый яркой позолоченной и скрывающей от взгляда «грязные мазки на холсте» портьерой... Анмар умело скрывает мерзость, разврат, похоть, убийства и все остальные смертные грехи, пуская раскаленный песок в глаза всем его гостям, обезоруживая красивой картинкой, за один взгляд на которую можно заплатить высокую цену.

И вновь у меня схватывает дыхание, ледяные мурашки атакуют затылок, когда я совершенно четко и ясно вспоминаю, как переступила порог мечети в тот день и увидела окровавленное тело родного брата, его быструю смерть, что после начала дышать мне в затылок, гнаться по тесному тоннелю и наступать на полы паранджи, запятнанной каплями крови.

Прекрасное и отвратительное имеет очень тонкую грань, запечатлеть которую дано не каждому, единицам, избранным.

И я знаю человека, которому под силу властвовать над этими гранями. И от одной мысли, что он здесь, возможно, где-то рядом, в одном из этих сверкающих небоскребов, мое сердце заходится от бешеных и гулких ударов о ребра.

– Джейдан, – низ живота сводит, и я не могу удержать свои чувства и эмоции внутри, с силой закусывая губы.

Даже не представляю, что сказала бы Престону, если бы вновь его увидела. После того, что я узнала о нем, после того, как поняла, что он – тот юноша, я не могу избавиться от ощущения, что между нами установлена чуть ли не кармическая связь, а судьба сталкивает нас раз за разом, чтобы что-то объяснить нам, преподать свои уроки, смысл и итог которых мне пока неизвестен и непонятен. В одном я уверена точно – то, что мы столкнулись спустя пятнадцать лет на другом конце света, не может быть случайностью.

Моя мама сказала бы, что это «Мактуб», если я рассказала бы ей о Джейдане. Она бы превратила наше знакомство в сказку, убедив меня, что наша встреча предначертана Автором судеб. Однако я пытаюсь думать об этом как можно меньше, чтобы не заглядывать в будущее, не строить себе воздушных замков и в конце концов – ни за что не влюбляться, не терять голову. Снова. Я просто не

могу себе этого позволить после чистосердечного признания Джейдана о том, что он «хуже ядовитого любовника».

Думаешь, я – убийца? Не повезло тебе, крошка. Хуже я, хуже... – не могу выкинуть из головы его слова и порывистую, одержимую страсть и жажду, накрывшую меня многообразием оттенков в тот вечер на парковке. Кто может быть хуже убийцы? Что еще скрывает Джейдан? Какой он на самом деле? Спаситель или убийца? Герой или разрушитель? Тайный агент, художник, мужчина, способный проходить сквозь стены и оставлять в моей кровати свои «метки»?

Так трудно понять, что я к нему испытываю... и я отчаянно убегаю от самой себя, закрывая и блокируя в душе глубокие и по-настоящему взрослые чувства маленькой девятилетней Медины. Но до конца поставить блок уже не выходит, не получается, как бы ни старалась. Пора посмотреть правде в глаза: я меняюсь в геометрической прогрессии, и меня страшат эти перемены. Но... если бы не Джейдан, я бы вообще сейчас здесь не стояла. Хватит ли мне сил произнести ему слова благодарности, протянуть руку перемирия, переступить через огромную стену своей гордости? И я даже не знаю, увижу ли его снова. Никогда не признаюсь даже самой себе в том, что я хочу этого, до одури жажду. Еще хоть раз, хотя бы один, последний. Взглянуть в четкие и заострённые черты лица, упав в синие океаны глаз цвета индиго. Это желание – такая же необходимость, как крошечный глоток воды в эпицентре раскаленной пустыни.

И в данный момент пустыня – это моя высыхающая без эмоций и истинной любви душа. Я устала быть сильной... но я должна, я буду. Впереди новое задание, требующее от меня сосредоточенности, полной отдачи, безупречной актерской игры и бесстрашия.

– Асад – не мой дом, Зейн, – тихо отвечаю Хассану, не оборачиваясь, не в силах отвести взгляд от песчаных земель за городом, что едва заметны у самой линии горизонта. Он где-то там. Мой дом – это крошечное поселение Аззам, в районе Кемар, который когда-то заявил о своей независимости от Анмара, что и привело к революции и кровопролитию на моей родной земле. В Асаде же я впервые, и до этого видела этот сказочный город лишь на фотографиях в гугле. Именно поэтому я не могу согласиться с Зейном, язык не поворачивается назвать этот город своим домом. Мой дом исчез с лица земли вместе с отцом, матерью, братьями и сестрами. Нью-Йорк, Мэтт и Лукас – стали приютом, пожизненным пристанищем, где хорошо, комфортно и уютно, где есть о ком позаботиться и на

кого положиться. Говорят, что дом там, где тебя любят... но это не моя история, ведь я никому не позволяла любить себя. И лишь где-то в самой глубине закрытой души внутри меня кричит и плачет напуганная до ужаса маленькая девочка, которая мечтает о любви, семье, и настоящем доме. О простом женском счастье, а не обо всей этой беготне за убийцами, маньяками и заданиями, которую жаждет Эрика Доусон. Раскол личности налицо, долбаный надрыв в душе – его не сшить нитками, не склеить, не исцелить... не знаю, кто я, Джейдан, поэтому не смогла показать тебе этого...

«Ни одна камера и ни одно зеркало не отразит того, что вижу в тебе я, Эрика. Не нужно бояться открыться. Я не причиню тебе боли. Только удовольствие. Покажи мне, кто ты...»

– Ты понимаешь, о чем я, Эрика. Тебе к лицу этот город, – медленно перевожу взгляд на Зейна, фокусируя внимание на том, как он неторопливо листает фотографии на планшете, периодически поджимая губы. Брови мужчины сдвинуты к переносице, взгляд сосредоточен на экране.

– Тебе пойдут съемки в стиле Шахерезады, – Зейн раздвигает губы в легкой ухмылке, кидая на меня едва заметный голодный взгляд, который вызывает во мне бурю негодования и раздражения. Сальный, липкий, пачкающий. Меня тошнит от мужчин, после нападения Мааба я уже и забыла, что такое секс, желание и близость. – На ближайшие две недели твое расписание включает в себя бесконечное участие в шоу, интервью и съемках. Думаю, этого будет достаточно для того, чтобы Ильдар Видад заметил твое прибытие. Черт подери, да нужно быть полным идиотом, чтобы не наброситься на жертву, что сама заявила в твое логово... точнее, на твою территорию, в данном случае – на территорию Анмара, – Зейн вдруг касается моей ладони, но я по-прежнему до боли сжимаю балконный поручень, ощущая, как сердце мгновенно покрывается льдом. – Я до сих пор против того, чтобы ты была наживкой и пушечным мясом, – твердо заявляет Зейн, в который раз за последние два дня пытаюсь стать для меня героем-спасителем. – Еще не поздно, Эри...

– Не называй меня так, – мгновенно ошетинившись, отрезаю я. – Поздно давать заднюю, Зейн. Я и не собираюсь, – решительно продолжаю я, смерив вечно сомневающегося Зейна недовольным взглядом. – Из-за меня был убит свидетель всей гнилой деятельности Ильдара, из-за меня мы упустили его и из-за меня мы потеряли нить, ведущую к королевскому советнику и, как следствие, в «Пески Махруса», деятельность которых просто необходимо остановить! Смит сам

назначил меня на это дело, и я не могу снова облажаться, понимаешь? Я хочу восстановить репутацию, хочу знать, что годы тренировок и обучения были не зря! – пылко отчеканиваю я, с ужасом вспоминая то, что довелось увидеть, находясь в этой проклятой «организации». И судя по тому, как там относятся к людям, эту компанию нужно было назвать «Скотный двор». Это было бы куда правдивее – «Пески Махруса» даже на звание борделя не тянет, потому что там продают и рабочую силу, мужчин и ни в чем невиновных детей, которым навсегда ломают жизнь, судьбу и личность... за последние годы этот мерзкий бизнес достиг невероятных масштабов, и меня бросает в ледяной пот, как только я думаю о том, сколько там обитает «мертвых» и загубленных, навсегда сломленных душ.

А ведь я находилась там всего три дня. Но мне никогда не забыть о том, что относились ко мне там как к загнанной в клетку антилопе, которую вот-вот отдадут диким львам на растерзание. Скорее, гиенам и шакалам, для которых цена не имеет значения – за «свежий» товар, каким являлась я, могли отдать миллионы и несколько гектаров земли в придачу. Такое не должно происходить в современном мире! И я сделаю все, что в моих силах, чтобы «Пески Махруса» навсегда исчезли с лица земли. Ради себя и Алии, которой пришлось провести в «Песках» несколько лет, прежде чем ей чудом удалось сбежать из этого чистилища.

– К тому же, ничего сложного нет в том, чтобы привлечь внимание Ильдара, посещая светские съемки и мероприятия. Это обычное дело для меня, Зейн. Пара намеков в прямом эфире из моих уст о том, как я скучаю по своему покровителю, и он объявится, – непреклонным тоном продолжаю напоминать Зейну о нашем плане, скрывая страх и личные опасения за маской непробиваемой уверенности в себе. – Дело останется за малым – взять его и вывезти в Штаты для допроса. И этим уже буду заниматься не я, а ты и оперативная группа.

– Но ты рискуешь своей жизнью, Рика! Мэтт постоянно обрывает мой телефон. Я слышал, что он сцепился со Смитом, когда узнал, что тот все-таки отправил тебя сюда. Если с тобой что-нибудь случится – тяжело выдыхает Зейн и резко обхватывает мои плечи ладонями, легонько встряхивая. Поднимаю взгляд в темно-карие глаза Хассана и не ощущаю внутри и толики волнения за себя, или же трепета от его прикосновений. Сердце в груди ощущается как ледяная и почти неподвижная глыба, а душа с горечью осознает, что я хочу, чтобы куда сильнее и прямо сейчас меня обхватили другие руки.

Чтобы он пришел, увидел, сжал, схватил, взял. Сдавил в болезненные тиски, оставил красноватые следы на коже. Хочу Джейдана видеть, хочу так сильно, что самой жутко от пульсирующего в голове и внизу живота желания. Хочу видеть зверем, каким был на парковке, или же немногословным художником. Любым хочу, лишь бы встретиться вновь и сказать друг другу все то, что не сказано, накоплено за годы, не выплакано. Он ведь тоже наверняка потерял всю свою семью в той мечети... но он не выглядит сломленным. Джейдан всегда кажется нерушимой скалой, которая никогда не даст трещину.

– Я смотрю, ты уже вжился в роль моего любовника, Зейн, – то, что Хассан прибыл сюда в качестве моего мужчины лишь «прикрытие», легенда для отвода глаз, но, кажется, Зейн воспринял ее слишком буквально, судя по тому, как быстро нашел повод полапать меня. – Не о чем волноваться, Зейн. С нами вооруженная группа сопровождения из тридцати человек. Они будут следовать за мной по пятам, будут присутствовать на всех мероприятиях, что мне предстоит посетить. А как только Ильдар появится в поле зрения – меня защитят. Я не боюсь, они профессионалы своего дела, Зейн. Отобраны самые лучшие агенты. И я не наживка, а охотница, – смело заявляю я, глядя в обеспокоенные и неуверенные глаза Зейна. Хассан опускает взгляд, заставляя меня ощутить свое мерзкое, отвратительное мне превосходство над мужчиной.

– Хорошо, Рика. Ты помнишь, что должна сделать? – Зейн наконец отпускает мои плечи, и я облегченно выдыхаю, возводя взгляд к небу.

– Выманить Ильдара Видада из своего убежища. Намекнуть, что неукротимая им Эрика Доусон очень соскучилась по своему «папочке», – пожимаю плечами и только сейчас понимаю, что сарказм не очень уместен, когда речь идет о сохранении моей жизни и спасении сотен людей, пребывающих на «рынке плоти».

И в тот момент я действительно была полна уверенности, решимости и не ведала страха и успокаивала себя мыслями о том, что я – важнейшее звено в данной операции. Так сказал Смит после того, как восстановил меня на службе. Но я и представить себе не могла, что Зейн окажется более близок к правде, и всего лишь несколько дней отделяет меня от той точки невозврата, после которой ни моя жизнь, ни я больше никогда не будут прежними.

Глава 1

«Художники пишут глазами любви, и только глазами любви следует судить их.»

Г.Э. Лессинг

Несколько недель спустя. Анмар. г. Асад.

Джамаль

Два с половиной часа езды в бронированном внедорожнике по душной, пыльной трассе, несмотря на работающий на полную мощность кондиционер, к концу пути заставили меня пожалеть, что я отказался от вертолета. Таир срочно вызвал меня к себе, а ждать вертушку пришлось бы около трех часов. Рассчитав временной путь, я решил, что наземным транспортом доберусь до места назначения быстрее. Да и дальше потеть в небольшом поселке на окраине провинции Мирза желания было мало. В снятом на пару месяцев доме не была предусмотрена система охлаждения воздуха. В моем распоряжении оказался один единственный вентилятор, напротив которого я и проводил свободное время, чтобы не сдохнуть от жары. В ночные часы становилось легче, но дом остывал только к утру, а там снова появлялось солнце и пекло возвращалось.

Самое главное – добраться до Асада, а оттуда полчаса пути, и я на месте. Границу городской черты мы уже пересекли, дальше только пустошь и выгоревшие поля. Я с облегчением выдохнул, когда после тщательной проверки на пропускном пункте автомобиль въехал на закрытую ограждённую территорию, принадлежащую АРС. Водитель остановил джип у центрального входа в здание Управления. После охлажденного салона внешняя духота показалась нестерпимой. Круглосуточный хамам – вот на что похожи летние месяцы в Анмаре.

Еще один пункт досмотра, и я наконец-то внутри главного правительственного корпуса. Да здравствуют кондиционеры. Как мало надо человеку, чтобы воспрянуть духом. Двадцать этажей на лифте. Длинный лабиринт коридоров с множеством перегородок, защищённых кодом доступа, и я у двери полковника

Таира Кадера. Доступом в кабинет руководителя внешней разведывательной службы обладает только он сам. Камера фиксирует мое присутствие, и дверь с механическим щелчком отрывается, пропуская меня внутрь. Таир, облаченный в военную форму, как обычно восседает во главе стола. Обменявшись традиционными приветствиями и предложив мне присесть, он сразу переходит к делу.

– Я прервал твое задание по веским причинам, – произносит он, предугадав мой вопрос. Склонив голову в знак уважения, я отхожу к окну, откуда открывается вид на полигон, где тренируются агенты и новобранцы. В юности я провел там огромное количество часов. Изнурительная спец. подготовка под палящим солнцем. От усталости и жары многие парни теряли сознание, годами не могли перейти на следующий уровень. Мне повезло. Я оказался выносливым и упрямым, и поэтому сейчас здесь, а не там.

– Но прежде чем перейдем к обсуждению новых обстоятельств, доложи ситуацию на текущий момент, – несомненно, это приказ, и судя по всему, Кадер не в лучшем расположении духа. Я впал в немилость после провала последнего задания и теперь обязан исправить ошибку и завершить миссию, чем в принципе и занимался в провинции Мирза последние пару месяцев.

– Я налаживал контакт с Наимом Азизом, – официальным тоном начинаю я. – Сначала через посредника, который поставлял ему оружие, потом лично. Он очень осторожен в общении, однако мое прикрытие не вызвало у него сомнений.

– Тебе удалось выяснить местонахождение Шатров Махруса?

– Нет, но я упоминал в разговоре с Наимом, что заинтересован в покупке белой рабыни, желательно американки или европейки хорошего качества. Он обещал помочь.

– Каким образом?

– Я получу координаты на мой телефон за час до начала аукциона. И если сообщение придет сейчас, то я вряд ли успею добраться хотя бы к концу торгов.

– Это ирония, Джамаль? – холодно интересуется Таир, я смотрю на его погоны, чтобы он не заметил раздражения в моем взгляде.

– Я не уверен, что Ильдар будет присутствовать на аукционе. Он не настолько глуп, – озвучиваю вслух, о чем почти сразу жалею.

– Тебе не нужно думать, Джамаль. Твоя прямая обязанность – выполнять мои приказы.

– Как агент с широким перечнем полномочий я имею право в исключительных случаях...

– Никаких прав принимать самостоятельные решения до согласования со мной, – грубо обрывает меня полковник. Если бы я не был ему обязан всем, что имею, то возненавидел бы. – Какой бы экстренной ни была обстановка. Ты видишь результат своих решений?

– Если бы спецслужбы взяли Мааба...

– Ильдар на тот момент был бы уже ликвидирован на нашей территории, – снова не дал мне договорить Кадер. – А для уничтожения Мааба выехал бы другой агент.

– Вы бы не успели, акид (с араб. Полковник), – уверенно заявляю я, и мне кажется, что слышу, как скрипнула или даже хрустнула челюсть Таира Кадера. – Я действовал по ситуации. И считаю, сделал все зависящее, чтобы минимизировать риски. И сейчас усиленно работаю над поиском Видада.

– Не ты один, – резким ледяным тоном бросает Кадер и встает из-за стола. Я вопросительно смотрю в суровое морщинистое лицо, на котором яростно сверкают черные глаза. Линия губ сжата в жесткой усмешке, тяжелая челюсть напряжена. Внутри рождается тревожное предчувствие.

– Американская разведка?

Кадер мрачно кивает, убирает руки за спину и выходит на середину кабинета. Встает напротив, пристально глядя мне в лицо. Потом отступает назад, ухмыльнувшись уголком губ.

– Девушка, которую планировал вывезти в Анмар Видад, пару недель назад появилась в Асаде, – сообщает он, разворачиваясь к окну. Я делаю то же самое. Теперь мы стоим плечом к плечу, наблюдая за тренировками агентов на полигоне. Но я только делаю вид, что наблюдаю. На самом деле мой мозг усиленно анализирует полученную информацию. – Рекламная деятельность, все чисто на первый взгляд. Приехала со своим бойфрендом и съёмочной группой. Участвовала в нескольких шоу, которые попали на местные телеканалы. Там мы ее и заметили.

– И что не так с девушкой? – застыв, я, не моргая, смотрю перед собой, пытаюсь не выдать своего состояния. В стекле панорамного окна отражаются мои заострившиеся скулы и плотно сжатые губы. Прикладываю максимум усилий, чтобы расслабить мышцы. Мне удастся как раз в тот момент, когда Таир поворачивает голову в мою сторону.

– Эрика Доусон – агент ЦРУ, и находится здесь с группой прикрытия и своим координатором Зейном Хассаном, – я остро чувствую на себе пристальный сканирующий взгляд Кадера. Сердце с бешеной скоростью разгоняет кровь по венам, но я все равно ощущаю, как озноб бежит по спине.

Эрика Доусон... Шайтан, я надеялся, что не скоро еще услышу это имя. Мааб все-таки успел наговорить лишнего, иначе американские службы не начали бы несогласованную APC операцию. Зачем она в это влезла, идиотка? Я же предупредил, черт бы ее побрал. Я бы вернулся за ней, когда все закончится. Непроизвольно сжимаю пальцы в кулак, вспоминая, как изучал ими черты лица Эйнин. Я запомнил каждую... Ее посветлевшие от слез глаза с мерцающими серебристыми искрами, точно такие же, как тогда, пятнадцать лет назад. Боль и отчаяние снимают маски, оголяют чувства, показывая внутреннее содержание, открывая истину, которую мы прячем даже от самих себя. Я пытался заглянуть внутрь, используя обычные проверенные методы; я думал, что страсть и желание приоткроют завесу, а мне нужны были ее слезы, боль и агония – то, что невидимой нитью соединило нас однажды и тут же разбросало в разные стороны. И когда я держал в ладонях залитое слезами лицо, вглядываясь в глаза, ставшие моим неискоренимым наваждением и источником вдохновения на долгие годы, она рассказала мне, кто она, не произнеся ни одного слова. Я увидел в их лазурных глубинах свою маленькую испуганную Эйнин, в одночасье потерявшую все, что у нее было: дом, семью, родину, веру и счастливую жизнь, которая могла бы ждать нас обоих... Я узнал ее слезы, Шайтан меня подери, серебристые искры в бескрайних озерах скорби и боли, тающие в глубоких

глазах Эйнин, как хрустальные снежинки.

Я уничтожил безликие портреты, хранившиеся в студии в Нью-Йорке. Они потеряли всякий смысл и ценность, теперь я знаю, как выглядит лицо Эйнин. Я напишу новые. Пока мои пальцы будут способны держать кисть, она не оставит меня. Нет такой силы, которая сможет заставить меня забыть ее лицо снова. Только отвернувшаяся удача и смерть, но пока я ношу свой оберег – мне ничего не страшно. Самодельные четки Эйнин хранят меня от гибели много лет. Я не вернул ей их, когда забрал кольцо и оставил тот портрет, который наверняка рассказал ей правду... о нас, о прошлом. Не могу поверить, что Эйнин удалось сохранить перстень отца. В голове не укладывается, как я не узнал ее, не почувствовал. Как не нагрелись потертые бусины, не обожгли мои пальцы, когда я перебирал их в кармане брюк, находясь рядом с той, что подарила мне удачу.

Сомнения появились еще когда я увидел покрытые пылью голые ступни Эрики на парковке, где мы сражалась почти на равных. Слишком много лет прошло с нашей последней встречи, чтобы я мог поверить сигналам подсознания. Кисти рук, ступни и необычные глаза – все, что сохранила моя память о той робкой маленькой девочке из мечети, где сгорело наше прошлое и надежды на счастливое будущее. Слишком мало, чтобы узнать, сопоставить с дикой и отчаянной сумасбродной стервой Эрикой. Образ Эйнин, скромный, овеянный почти священным для меня ореолом недоступности, не вязался с девушкой, которую я встретил на выставке. Страстная, яркая, вызывающе сексуальная, откровенная, острая на язык, надменная. Она запутала меня, обыграла, затмила здравый смысл похотливой пеленой. Я винил разыгравшееся воображение и бешеную потребность обладать бросающей мне вызов девушкой и одержимую неконтролируемую страсть, обрушившуюся на нас несвоевременно и слишком поздно...

От нас прежних ничего не осталось. Обожжённые и покалеченные Аззамским терактом мы никогда не сможем повернуть время вспять. Судьба безжалостна, нелепа, жестока. Боль и ярость, гнев и ненависть – навсегда останутся внутри, выжигая все, что делало нас слабыми, уязвимыми, беспомощными. Я помню... я слишком хорошо помню страх и отчаяние, растерянность. Я пытался быть храбрым, но боялся так же, как она.

Говорят, когда человеку нечего терять, он ничего не боится. Это неправда. Помимо собственной жизни всегда есть чья-то еще, ради которой ты без сомнения пожертвуешь своей. И в самые страшные моменты, когда силы и воля

покидали меня, я думал о той девочке, которую вытащил из огня пылающей мечети, и я верил, что она где-то живет, улыбается солнцу, что ее глаза светятся радостью, и она тоже помнит обо мне.

Я не знал, что с ней стало после того, как она сбежала. Повстанцы оглушили меня и вывезли в свой лагерь, где я провел несколько недель. Меня заперли в железной клетке, как дикого зверя. Клетка стояла под палящим солнцем и уже к обеду раскалялась так, что до прутьев нельзя было дотронуться. Воды и еды давали ровно столько, чтобы я не умер, и регулярно, словно по какой-то отлаженной программе, будили среди ночи и методично избивали без единого слова, не оставляя шрамов, словно хотели сохранить товарный вид. Однажды один из ублюдков перестарался, и я начал терять сознание, чувствуя, что умираю. Я помню, как яростно кричала женщина с серебряными глазами, та самая, что выстрелила в слепого мальчика муэдзина. Я так и не понял, что именно и почему она кричала, сознание заволочла тьма, сквозь которую на меня смотрели полные грусти и слез глаза Эйнин.

Мне повезло, я снова выжил. Как оказалось, на лагерь повстанцев напали военные Анмара, уничтожив поголовно всех, кроме пленников. Очнулся уже в госпитале. И первым человеком, который меня навестил, был Таир Кадер. Он задал мне только один вопрос, который решил мое будущее:

«Ты хочешь научиться стрелять в тех, кто уничтожил Аззам? Я не говорю про правосудие и закон. Придется держать оружие. Направлять в головы тех, на чьих руках кровь многих невинных жертв. Ты сможешь, Джамаль?»

Конечно я согласился. И я смог – держать оружие, выслеживать, целиться и стрелять. Без малейшей тени сомнения, без ночных кошмаров и мук совести. Мои руки по локоть в крови, но я не жалею ни об одном приведенном в исполнении приговоре. Горящая внутри ярость и гнев нашли единственно разумное и полезное применение. Прежде чем спустить курок, я не зачитываю приговорённым список их преступлений. Они знают. Убийцы всегда узнают друг друга по глазам. Именно так я вычислил Мааба.

– Для тебя это не новость, Джамаль? Ты знал, что Видад собирается вывести в Анмар свою любовницу, являющуюся агентом разведки другого государства? – пристальный взгляд Кадера сканирует мое лицо, выявляя признаки, которые его взгляду не подвластны.

– Нет, – уверенно отвечаю я. Virtuозно лгать научился еще в учебке, обнаружив в себе способность без труда распознавать скрытые эмоции людей через их мимику, жесты, интонации голоса и другие симптомы, незаметные обычному наблюдателю. Вероятно, это иная ипостась моих художественных способностей. Когда в юности я покрывал арабеской и орнаментом мечети, то уделял огромное внимание мельчайшим деталям, считая, что священное место должно быть безупречным.

– Нет? Но ты не позволил ему этого сделать. Мне интересно, почему? – еще один провоцирующий вопрос. Тактика Таира мне давно известна. Все его вопросы звучат как обвинение, вынуждая собеседника оправдываться.

– На тот момент моей целью уже был Мааб. Девушка тут ни при чем, – ровным голосом отвечаю я.

– Надеюсь, что так, – удовлетворённо кивнув, Кадер наконец-то отворачивает голову. – Потому в данный момент Эрика Доусон доставлена в Шатры Махруса. Вероятно, она привлекала внимание Ильдара, намеренно мелькая на телеэкранах и посещая массовые мероприятия. Ее руководство все правильно рассчитало. Использовали девчонку, как наживку, видимо, прекрасно зная о равнодушии новому приятелю Наиму Азизу. А тот уже отправил своих людей за ценным лотом для следующего аукциона.

– Он не явится сам, – мне повезло, что полковник не видит сейчас выражение моего лица. Мое отточенное самообладание дало трещину, когда я услышал, где сейчас находится Эйнин. Какой идиот послал ее сюда? На что они рассчитывают? Какая к черту из нее наживка? Ее убьют или трахнут еще до начала аукциона, причем она приложит все свои усилия и дерзкий язык для того, чтобы это случилось.

– Неважно. Девушку доставят к нему в любом случае. Задача группы – отследить путь и взять объект.

– Моя задача? – сглотнув образовавшийся в горле ком, спрашиваю я.

– Не допустить выкупа агента поверенными Видада. Вывезти и удерживать с той же целью, что преследовали ее руководители из Управления. Его нужно выманить на территорию Анмара, Джамаль, и уничтожить.

- А группа прикрытия? Ее попытаются отбить, если что-то пойдет не так.

- Они уничтожены, - оглушает меня ответом Таир. Я на мгновение закрываю глаза, чтобы собраться с силами и взять контроль над эмоциями, - Координатору удалось скрыться. Официальная версия - нападение повстанческих сил Кемара. Сработано чисто. ЦРУ не сможет ничего предъявить или запросить разрешение на расследование. Они действовали, не получив разрешение на проведении спецоперации. Мы защищаем свои интересы, Джамаль. Это главная цель АРС - не допустить подпольной деятельности спецслужб других государств на территории Анмара.

- Американцы пришлют следующую группу, - в этом я уверен, и не без причин, но полковник не в курсе всех нюансов. Ему и не нужно знать, что отец агента Доусон руководит одним из подразделений Управления разведки, иначе ее уберут до того, как я доберусь до Махруса. И точно уберут, когда я вернусь обратно.

- Надеюсь, на тот момент задание будет выполнено, - резко отвечает Кадер. Я напряженно смотрю в окно, мысленно перебирая всевозможные варианты выхода из тупиковой ситуации. Некоторые преимущества у меня все-таки есть. Таир Кадер доверяет мне, уверен в моей преданности, и информацию, которую я передаю, не подвергают многоуровневой проверке. Это можно использовать.

- А агент Доусон? Как быть с ней?

- А у тебя есть варианты? - повернувшись, полковник пристально смотрит мне в глаза.

- Я не совсем уверен, что мы имеем полномочия ликвидировать американских агентов. Директор АРС одобрил уничтожение группы прикрытия? - на мой взгляд, действия моего руководства чрезмерно радикальны. Мы не в режиме военного положения, чтобы так рисковать.

- Разумеется. Ты же понимаешь, что стоит на кону, Джамаль? - прищутив глаза, спрашивает Кадер. - Ильдар Видад - младший брат премьер-министра, ближайшего советника короля. Если американские разведчики возьмут его, и он заговорит, а эта подлая сволочь заговорит, то верховного правителя Анмара

могут обвинить в укрытии и негласном покровительстве самой крупной группировки по торговле людьми на Ближнем Востоке. И как итог – полный разрыв дипломатических и торговых связей, вплоть до военного вмешательства. Поэтому, Джамаль, никакой импровизации и незапланированных действий. Есть вопросы?

– Нет. Я могу отправляться сейчас?

– Выедешь завтра, – коротко отвечает Кадер. Взгляд его смягчается, и я догадываюсь, о ком сейчас пойдет речь. – Сегодня нет нужды. Вряд ли аукцион организуют так быстро. Проведи ночь дома. Лейла жалуется, что они с Аидой очень редко видят тебя.

– Разве не служба держит меня вдали от дома? – бесстрастно уточняю я. Возвращаться домой даже на ночь не входило в мои планы. Но я понимаю, что не смогу ничего сделать до начала аукциона. Эрике придется какое-то время провести в Шатрах Махруса, и я отстрелю яйца любому, кто посмеет тронуть ее. А потом пристрелю тех, кто послал Эрику сюда. Они вынесли ей смертный приговор точно так же, как только что Таир Кадер. Его я убить не могу. Так вышло, что сначала он стал моим наставником, а потом и членом семьи. Когда-то я считал, что Таир оказал мне честь, а сейчас понимаю, что он использовал еще один способ связать мне руки.

– Но я же не могу сказать своей любимой дочери, что вина за постоянные отъезды ее мужа лежит на мне. Ты – мужчина, найди способ успокоить женщин. Побалуй подарками, удели внимание. Не мне тебя учить.

– У меня всего одна ночь, – напоминаю я.

– Джамаль, хороший муж всегда найдет варианты.

* * *

Просторную виллу в тихом отдаленном районе Асада я построил по собственному проекту, смешав современные итальянские и традиционные для моей страны стили. Легкий воздушный симметричный фасад с сочетаниями светлых тонов, черепичной крышей и декорированный мозаикой фундамент.

Классические, в европейском стиле, кованые ворота с автоматическим управлением и высокий забор, оборудованный системами слежения по всему периметру.

Огромный особняк, большой внутренний дворик, утопающий в зелени, фонтаны с чистой водой, бассейн, искусственный пруд, беседка, напоминающая восточный шатер и прочие изыски роскоши – не совсем вяжутся с моим статусом. Согласно досье, я скромный архитектор Джамаль Каттан, смыслённый и талантливый парень, который родился и вырос в Асаде, рано потерял родителей, получил хорошее образование в Америке и по большей части работаю именно там или в Европе, иногда в Азии, даже в Африке – создаю уникальные дома для толстосумов. Пересекаю границу я уже под другим именем. Джейдан Престон, конечно, не единственное. И легенда, и биография каждый раз зависят от задания и географии места пребывания. Мне приходилось быть итальянцем, евреем, турком... Адамом, Массимо, Салимом... Но домой возвращаюсь я всегда как Джамаль Каттан, странствующий архитектор и муж.

Я не предупредил Лейлу и Аиду, что приеду, и поэтому, когда автомобиль въехал во внутренний двор, никто не выбежал мне навстречу. Не скажу, что сей факт меня сильно расстроил. Мысленно я находился совсем в другом месте. Старый слуга Калиф, присматривающий за домом в мое отсутствие, сообщил, что женщины отправились в город, чтобы пройтись по магазинам в сопровождении Зары, прислуживающей в доме со дня свадьбы с Лейлой и приходящейся моей первой жене очень дальней родственницей. Я не вмешиваюсь в досуг женщин, они отлично знают традиции Анмара, регулярно посещают мечеть, соблюдают предписания пророка и никогда не сделают ничего, что могло бы опорочить мое и их имя.

Отпустив водителя до утра, я сразу направился в мужское крыло. Принял душ, переоделся в домашнюю одежду. В стенах своего дома мужчины и женщины одеваются точно так же, как в других странах – никаких особых восточных изысков. Выбор зависит исключительно от вкуса и возможностей кошелька. Моя работа в АРС оплачивается более чем достойно, но мое детство и юность, проведенные в бедности и труде, наложили свой отпечаток. Я не привык жить на широкую ногу и знаю цену деньгам. Однако в свой дом я вложил все самое лучшее. Ничего не поделать – красивые вещи и женщины – моя вечная слабость.

Внутренний дизайн виллы я подбирал в современном стиле. Арки, решетчатые перегородки, ковры, портьеры, пестрые подушки, мозаика, роспись – дань

традициям, так сказать.

Моя спальня не отличается от комнаты любого обеспеченного европейца или американца. Она соединена дверью с рабочим кабинетом, который является самым светлым и комфортным помещением виллы. Кабинет представляет собой просторный овальный зал с большими арочными окнами, в мое отсутствие закрытыми жалюзи, чтобы никакие любопытные носы не сунулись в мою святая святых. Любые изображения людей и живности в Анмаре, как и во многих других арабских странах, под запретом, и быть художником-портретистом здесь невозможно по ряду причин. Да, времена изменились, и никто не бросит меня за решётку за картину с обнажённой женщиной, но и одобрения и признания ждать абсурдно и нелепо.

Если бы Кадер знал о том, что я храню в своей мастерской, то лично бы спалил кабинет. Я до сих пор помню, как прятал от отца свои первые наброски на смятых клочках бумаги, выполненные углем; свои черные пальцы, которые я впопыхах вытирал платком, услышав его шаги за дверью. Уже тогда я рисовал Эйнин. Маленькую девочку в абайе и плотном никабе, склонившуюся в молитве, но уголь не мог передать лазурный небесный оттенок ее глаз, напоминающий мне море, которое я видел только на страницах книг.

В кабинете есть где развернуться, в отличие от крошечной студии в Нью-Йорке. Находясь в Асаде, я много времени провожу в мастерской в полном одиночестве, не допуская женщин и слуг на свою территорию, здесь же молюсь, когда слышу азан муэдзина из мечети, находящейся чуть ниже по улице.

Вот и сейчас, освежившись с дороги и облачившись в спортивные штаны и белую футболку, я прохожу в мастерскую, открыв дверь ключом, хранящимся в ящике прикроватной тумбочки. Кондиционер в дневное время суток работает на полную мощность, и я даже вздрагиваю, ступив босыми ногами на холодный пол мастерской. С наслаждением вдохнув запах масляной краски, растворителя и акрила, въевшийся и пропитавший стены, я прохожу в середину зала. Даже находясь на задании я всегда ношу с собой небольшой этюдник и карандаши, но сделанные на быструю руку наброски не смогут сравниться с полным погружением в процесс работы над холстом. Здесь я забываю о времени, наблюдая, как девственно чистый лист покрывают штрихи, мазки, которые, объединяясь, становятся чем-то цельным; оживают, дышат, смотрят, улыбаются, плачут, смеются, кричат, говорят со мной, спорят, обвиняют. И если закрыть глаза, то так легко можно представить насмешливый вызывающий хрипловатый

голос.

Да, меня заводят разговоры, al`asad. А разве тебя нет?

Если бы она знала, как близка. Al`asad означает лев, и именно он изображён на гербе короля аль-Мактума. Асад – город, который стал моим домом после того, как мы с ней потеряли все, что имели в Аззаме. Она попала в точку, а я, наоборот, проиграл. И дело даже не в том, что досье Эрики Доусон оказалось слишком чистым и правдоподобным. Я не был готов к правде. Именно поэтому я не хотел прикасаться к ней и в то же время не мог удержаться, теряя разум, хладнокровие, выдержку, забывая к Шайтану, кто я, где и для какой цели нахожусь.

Ты хочешь продлить это чувство между нами, Джей? Ты же чувствуешь его, да? Искры в воздухе, жар по венам. Да, al`asad? Тебе, как и мне, нравится бегать по грани, ходить вокруг жерла вулкана. Пресловутый запретный плод. Когда хочется попробовать собственную музу и в то же время хочется сохранить этот трепет, что она в тебе пробуждает. Я права, Джей?

Не трепет, Эйнин, а ураган, безумие стихии, бурю, цунами. Я боялся уничтожить тебя, я мог; находился на той самой грани, о которой ты рассуждала так легкомысленно, наивно, не зная, с каким зверем играешь. Но мы не бежали бы по ней, Эйнин, а падали в самое пекло, на раскалённые угли... обнаженной кожей. И я никогда бы себе этого не простил. Нам еще многое придется пережить, ты даже представить не можешь, что тебя ждет, и куда ты попала. Западные амбиции, самоуверенность, непокорность, гордость и дерзость – здесь придется расстаться поочерёдно со всем, что я перечислил. Ты увидела лучшую сторону, но даже она привела тебя в ярость и негодование. Что будет, Эрика, когда мы встретимся без масок? Береги свои крылья, альби (с араб. мое сердце), их глянец уже осыпался на той чёртовой парковке, но мы еще даже толком не начали. Мы будем гореть дотла, до черных шрамов, до криков отчаяния, ненависти, боли и похоти, разносящихся над пепелищем. Судьба настигла нас... снова, и на этот раз завершит начатое. И, если я не смогу спасти тебя, то останусь. Мы будем гореть, Эйнин. Вместе. Тряхнув головой, я отгоняю тяжелые мысли, ощущая во рту привкус гари и дыма, как тогда... Все еще слишком ярко. Некоторые события не подлежат забвению, пока призраки не отомщены, а справедливость не восстановлена.

Я поднимаюсь на небольшой постамент, устланный белой бумагой, чтобы не испачкать при работе мраморные полы, которые не нагреваются даже в самые жаркие месяцы. За то время, что прошло с моего возвращения в Анмар, я написал всего две работы. Одна из них вернулась к той, чьи глаза пятнадцать лет преследовали меня во сне и наяву. А вторую закончил буквально перед самым отправлением в душную сухую Мирзу, подвергающуюся каждую неделю песчаным бурям, которые приносят ветра из Махруса.

Последний портрет Эйнин так и стоит на мольберте, накрытый плотной тканью. Все остальные картины развернуты к стенам лицевой стороной, как и любимая репродукция Айвазовского, которую я привёз с собой из Нью-Йорка, и еще одна, написанная полтора года назад – «Постоянство памяти» Дали. Как это чертовски эпично. Я сделал копию со знаменитого шедевра великого художника и через несколько месяцев встретил Эйнин... и не узнал ее. Постоянство памяти подвело меня, как и острое зрение и феноменальная внимательность к деталям. Иногда мне кажется, что все происходящее в моей жизни так или иначе ведет меня к Эйнин, возвращает, напоминает, связывает. Она мой девятый вал, преодолевший неумолимое течение времени и обрушившийся на меня в тот момент, когда я почти смирился, что никогда не найду хотя бы отдельно похожую девушку на ту, что я потерял. Я пытался ее искать, но как? Эйнин исчезла после пожара. У меня не было даже ее имени. Кадер сказал, что никто не выжил. Конечно он не знал, что я спас девочку, а потом вернулся. Никто не знал. Я боялся одного – что она попала в руки торговцев из Шатров Махруса. Мне не раз приходилось преследовать преступников, имеющих отношение к этой организации, и перед тем как исполнить приговор, я спрашивал... каждого про девушку из Кемара с голубыми глазами, но никто ничего не знал.

Наверное, мои рассуждения звучат цинично, учитывая то, что я женат. Дважды. На красивых, соблазнительных, любящих меня женщинах. Но только Эйнин не имеет никакого отношения к моему семейному положению. Эйнин – рух альби (с араб. душа моего сердца). Она особенная, мое проклятие и награда... испытание и соблазн, которые я обязан преодолеть. Внезапное напряжение простреливает позвоночник, когда, остановившись у станкового массивного мольберта, я замечаю, что ткань, укрывающая портрет Эйнин, немного сползла, открывая угол холста. Нахмурившись, я оглядываюсь по сторонам. Некоторые картины сдвинуты с места, это заметно по неравномерным следам пыли на полу. Шайтан побери этих женщин! Прислуга никогда бы не нарушила приказ. Уверен, что это вездесущая Лейла!

Я знаю, что робкая покорная Аида никогда не осмелится войти сюда, даже если дверь будет открыта настежь, она и в спальню ни разу не зашла без приглашения. С ней у нас своя простая и в то же время сложная история, но я уверен в Аиде, как в самом себе. А вот Лейла – совсем другая, более любознательная и бойкая от природы. Единственная и младшая дочь влиятельного отца, родившаяся после трех сыновей, она воспитывалась согласно традициям нашей страны и религии, но ее баловали больше, чем многих анмарских девочек. Кадер вырастил принцессу, изнеженную, красивую, идеальную жену, послушную воле мужа, но умеющую добиться своего женской хитростью. Она и меня получила точно так же. Лейла всегда знает, чего хочет – это качество нельзя не уважать как в женщине, так и в мужчине.

Целеустремлённая, воспитанная, неглупая, образованная. Лейла училась в Европе, сохранив приверженность и любовь к традициям и обычаям своей страны. Да Кадер бы и не допустил обратного. Дочь человека его уровня просто не может позволить себе уронить тень на репутацию отца. Он стерёг ее как зеницу ока, а отдал мне... Я не понимал поначалу, за что удостоился подобной чести. Я был обязан Таиру жизнью, своим положением, всем что имею сейчас. Все оказалось гораздо проще. Лейла меня выбрала, а отец не смог противостоять дочери. А я в свою очередь не посмел проявить неуважение к человеку, который стал моим наставником. Разумеется, решение Кадера выдать единственную дочь за своего подчинённого носило и скрытый смысл.

Услышав шум за окном, я раздвинул жалюзи, наблюдая, как из припарковавшегося на стоянке автомобиля выходят Лейла, потом Аида и за ней Зара. Все три в черных абайях, с закрытыми лицами и волосами, хотя я никогда не настаивал на ношении никаба. Многие девушки и женщины заменили его платком, уловив волну неумолимо надвигающихся изменений, хотя еще пару лет назад подобное было неприемлемо в столице Анмара. Цивилизованный западный мир потихоньку вторгается в страну вместе с потоком иностранных товаров и рекламы. Я не считаю, что с этим нужно бороться или принимать в штыки. Я слишком долго прожил на Западе и некоторые привычки и особенности перенял и принял из чуждой мне культуры, а к кое-чему успел пристраститься.

Вернувшись к мольберту, я отодвигаю ткань в сторону, чтобы взглянуть на запечатлённое на холсте лицо Эйнин. Огромные распахнутые глаза смотрят прямо на меня, но не с печалью и слезами, как раньше, а с гневом и вызовом; чувственные губы изгибаются в дерзкой улыбке, длинные темные волосы змеятся по хрупким плечам, прикрытым пресловутым синим платьем. Я так ярко помню момент, когда расстёгивал чёртову молнию на ее спине... Мои пальцы касаются неподвижного лица Эйнин, внутри растет напряжение. Пока я здесь

пляюсь на ее портрет, неизвестно что происходит с ней в логове работорговцев. Стиснув зубы, я одёргиваю руку и холст тканью как раз в тот момент, когда внизу раздаются голоса женщин. Как сказал напоследок Кадер?

Джамаль, хороший муж всегда найдет варианты.

Две жены, истосковавшиеся по мужской ласке за несколько месяцев моего отсутствия. И всего одна ночь. Пока у меня вырисовывается только один вариант, который Таиру пришлось бы не по душе.

Спустившись, я застаю жен в гостиной. На угловом бежевом диване возвышается гора пакетов с лейблами из известных каждой моднице бутиков. Лейла и Аида уже сняли абайи и предстали перед моим взором во всей своей красе. А посмотреть есть на что. Высокая, темноволосая черноглазая Лейла в длинном атласном приталенном платье с открытыми плечами, многочисленными золотыми браслетами, инкрустированными драгоценными камнями на тонких запястьях, и с тяжелыми серьгами в маленьких мочках. Рядом с ней всегда немного зажата Аида с медной копной волос и темно-серыми печальными глазами кажется особенно миниатюрной, робкой, неуверенной. Заметив мое появление, Лейла бросается ко мне первой, обвивая за плечи руками и звеня своими браслетами.

– Джамаль-джан, я даже не поверила, когда Калиф сказал, что ты приехал. Пророк услышал мои молитвы! Я знала, что сегодня будет необыкновенный день! – радостно улыбаясь, щебечет она и прижимается ко мне всем своим сочным телом. Аида смотрит в пол, топчась на месте и явно чувствуя себя лишней. Дело тут вовсе не во мне, а в неумной энергетике Лейлы. Как только вторая жена появилась в этом доме, первая быстро взяла ее в оборот, полностью подавив своим авторитетом. Я никогда не влезая в женские дела, и пока они не дерутся и не рвут друг на друге волосы, вмешиваться не имеет никакого смысла. А, как ни странно, почти с первого дня девушки нашли общий язык и даже подружились, но вот как-то односторонне, я бы сказал. Нет, меня полностью устраивают покорность и скромность Аиды, а что чувствует она сама – волнует мало. Я сделал для нее больше, чем мог и должен был.

– Аллах привел тебя домой, как же я счастлива! – восклицает Лейла, запуская пальцы в мои волосы и заглядывая в глаза. Я мягко, но уверенно отстраняю ее, и она озадаченно хмурится, но продолжает улыбаться, изображая радушие любящей жены.

– Аида, поднимись в мою спальню и жди там, – отдаю резкий приказ, забыв, что я не на службе. – Нам с Лейлой нужно серьёзно поговорить, – добавляю чуть мягче. Черноглазая бестия вздрагивает, запрокинув голову, и замирает в потрясении, хлопая длинными ресницами. Оборачивается на юркнущую к лестнице Аиду, и чуть ли не шипит от ярости, но мгновенно замолкает, заметив мой жесткий ледяной взгляд. Опустив голову, делает шаг назад, непроизвольно стискивая в кулаках подол своего платья. Она в ярости. Об этом говорит ее вспыхнувшие щеки, едва сдерживаемые слезы обиды и бурно вздымающаяся и опускающаяся высокая грудь, подчеркнутая глубоким декольте. Я считываю волны негодования, обиды и раздражения, исходящие от девушки, не прилагая ни малейших усилий. Лейла для меня – открытая книга, прочитанная и заученная до дыр. Вспыльчивая, упрямая, но безобидная. Единственный приз, за который она сражается – это я. И мы оба знаем, что она его никогда не получит, несмотря на связывающие нас брачные обеты.

– Ты заходила в мой кабинет? – холодно спрашиваю я, убирая руки в карманы брюк и сверля взглядом застывшую с опущенной головой девушку. Она снова вздрагивает всем телом, плечи покрываются мурашками, тонкие пальцы бледнеют и разжимаются, выпуская смятую в них ткань платья. Лейла отступает назад, присаживаясь на диван, предварительно сдвинув в сторону пакеты с покупками.

– Ответь мне, Лейла, – громче спрашиваю я, не дождавшись даже короткого кивка. Девушка закусывает губы, из-под густых черных ресниц стекают слезы. Мало женщин умеют плакать, не превращаясь в истеричное существо с хлюпающим носом и распухшими глазами. Лейла освоила это искусство еще в самом начале нашего брака. От радости, боли, счастья и удовольствия она плачет одинаково красиво. Думаю, первым, на ком она испытывала чары своих слез, был все-таки не я, а ее отец. Надо признать, что Лейла прекрасна даже в своих откровенных и очевидных попытках манипуляции. И когда-то меня забавляли устраиваемые женой спектакли с заявкой на женскую хитрость. Она горестно всхлипывает и наконец кивает, робко и виновато поднимая на меня полный фальшивого раскаяния взгляд.

– Прости меня, Джамаль, – складывает ладони на коленях, принимая позу абсолютной покорности. Я бы поверил, если бы не знал наверняка, что она не чувствует ни малейшей вины за содеянное. В красивых черных глазах плещется многогранная гамма чувств – от гнева до возбуждения. – Я помню, что мы не должны подниматься в твои комнаты, когда ты в отъезде. Но я так скучала,

хабиби, – добавляет чувственным полусшепотом. Тряхнув головой, я усаживаюсь на невысокое кресло-пуф.

– Ты зашла не пыль протереть и не рубашки перебрать. Ты взяла ключи из моего стола и заявила в кабинет, куда я даже слуг не пускаю, – четко проговаривая каждое слово, озвучиваю основную претензию. И безосновательную. Если я запираю дверь, значит не хочу, чтобы ее открывал кто-то, кроме меня. Разве не логично? Но женщины и логика – понятия несопоставимые.

– Когда ты приезжал в последний раз, то почти не уделял нам внимания, пропадая в кабинете, – не поднимая ресниц, Лейла начинает придумывать себе оправдания.

– И тебе стало любопытно? – сухо уточняю я. – Ты решила сунуть свой нос в дела, которые тебя не касаются. Так, Лейла?

– Нет, – картинно всхлипнув и качнув головой, девушка поджимает розовые губы. – Ты говорил, что работаешь над проектом нового дома. И я подумала... В этом году будет пять лет, как мы поженились...

– Что я готовлю подарок для тебя? – оборвав ее на полуслове спрашиваю я. – Ты хочешь новый дом? Чем тебя не устраивает этот? Стал тесен? Может, тебе Аида мешает?

– Нет. Я сама настаивала, чтобы Аида жила с нами, – еще один шумный вдох.

– Скажи правду, Лейла. Хватит уже испытывать мое терпение, – раздраженно требую я.

– Ты строишь новый дом для другой женщины? – ресницы вздрагивают, но она не решается посмотреть мне в глаза. Сдвинув брови, я какое-то время задумчиво наблюдаю за ней.

– Что ты увидела в кабинете, Лейла? – вопрос звучит спокойно и даже ласково, но хорошо успев узнать мои привычки, девушка зажимается еще сильнее.

– Только развёрнутые картины в рамах, – быстрым дрожащим голосом отвечает она. – Я думала, что ты рисуешь проекты, чертежи...

– Разве они не могут быть в рамах? – снова не даю договорить. – Так что ты увидела?

– Ничего. Я хотела..., – разволновавшись, Лейла запнулась. – Я пыталась сдернуть ткань с мольберта, но испугалась.

– Чего ты испугалась? – напряженно спрашиваю я, потирая подбородок, заросший трехдневной щетиной.

– Что там не проект дома, – выдыхает Лейла, сцепляя пальцы на коленях до побелевших костяшек. Прищурившись, склоняю голову набок, всматриваясь в побледневшее лицо Лейлы.

– А что же? – сухо уточняю я.

– Нечто запретное. Неправильное, – она наконец поднимает ресницы, тревожно глядя на меня. Ревность, подозрение, боль и целая гамма эмоций мелькает в черничных глазах Лейлы.

– Например?

– Я не знаю! – в сердцах восклицает она. – Не знаю. Зачем ты меня мучаешь, Джамаль-джан? Я все сказала, призналась. Если там действительно проект дома, то поклянись, что ты собираешься строить его не для третьей жены и не для западной шармуты, о которой ты думаешь все время.

– Откуда такие выводы, Лейла? – приподняв одну бровь, невозмутимым спокойным тоном интересуюсь я. Женщины удивительно наблюдательные и тонко чувствующие существа. Никогда нельзя пренебрегать ими, иначе получишь в постель ревнивую истеричку. – Сама пришла к ним или подсказал кто?

– Я отлично знаю, что здоровый мужчина не способен хранить верность месяцами, даже если безумно любит своих жен, – смело заявляет Лейла. – И нет

никакого дома, да?

- Дом есть. И он уже построен, - опровергаю я ее подозрение.

- Но не для меня? Не для Аиды?

- Нет, - отрицательно качаю головой. Лейла вспыхивает от негодования, даже шея ее покрывается румянцем. Я не сомневаюсь в том, какой именно вывод она сделала.

- Для другой женщины?

- Я не обязан отвечать, ты же знаешь, - сдержанно улыбаюсь. - Ты обязана принять любое мое решение, Лейла.

Она опускает взгляд вниз, признавая мою правоту, но уверен, скрипя зубами и закипая от ярости. Сбивчивое дыхание и заострившиеся скулы подтверждают мое наблюдение.

- Когда ты уезжаешь? - неестественная улыбка растягивает полные губы.

- Завтра утром.

- Так быстро... - бормочет Лейла, вскидывая голову и потрясенно глядя мне в глаза. - И ты проведешь эту ночь с Аидой? Но почему?

- Разве ты не заслужила наказания?

- Наверное, Аллах отвел свой взор от меня в тот день, когда я позволила тебе взять вторую жену, - высокопарно заявляет Лейла.

- Ты позволила? - не сдержавшись, я смеюсь, и она оскорблённо замолкает. - Лейла, ты неисправима. - Встаю и медленно приближаюсь к ней. Я вижу, как в обсидиановых выразительных глазах вспыхивает надежда.

Я внезапно вспоминаю, как увидел ее впервые в доме Кадера, куда был приглашён на ужин. Таир очень рьяно чтит традиции, и когда в доме присутствуют гости, женщины редко появляются в гостиной, где собираются мужчины. Я только вернулся, закончив обучение в Европе; мы с Таиром курили кальян, пили арабский кофе и разговаривали только на те темы, которые могли позволить в его доме, не опасаясь прослушки. За годы работы в АРС я довольно рано научился разделять обе свои жизни и придерживался обозначенной границы. Если четко провести линию, то не возникнет никаких сложностей. Мне это удалось. В доме Таира я был обычным дипломированным архитектором, а он – наследником оставленного отцом состояния. Мы смялись, шутили, обсуждали намечающуюся свадьбу его давнего друга. Я не заметил, а почувствовал на себе чье-то пристальное внимание. Поднял взгляд и увидел нечеткую женскую фигуру за решетчатой перегородкой. Волосы спрятаны под ажурным платком, лицо до переносицы скрыто полупрозрачной вуалью. Черные раскосые глаза смотрели на меня так, как анмарские девушки никогда не осмелились бы глазеть на незнакомого мужчину на улице и тем более в гостях. И не было никакой безумно-романтической истории влюблённости, тайных свиданий и записок, переданных через слуг. Кадер заметил дочь, наблюдающую за нами, и пригласил войти. В присутствии отца Лейла не позволяла себе пламенных взглядов и почти все время держала ресницы опущенными, и мне даже стало казаться, что мне привиделся огонь в глубине черных пронзительных глаз. Мне было двадцать два года. Ей семнадцать. Она приехала на каникулы из колледжа, а я только что получил диплом. Я не скажу, что встреча с Лейлой произвела на меня неизгладимое впечатление. Нет. Она вызвала интерес, но я забыл о ней, как только переступил порог дома. Но она не забыла... Через несколько месяцев Таир Кадер тактично намекнул, что я очень понравился его дочери, а еще через год мы с Лейлой поженились и переехали в этот дом, выстроенный по моему проекту. И я ей не солгал пару минут назад – новый дом действительно существует.

– Тебе нужно подумать о своем поведении, Лейла, – произношу мягко, приподняв подбородок девушки. – Сделать выводы, осознать, что любопытство допустимо только в разумных пределах. Разве я когда-то позволял себе забраться в твои личные вещи?

– Нет, Джамаль-джан, – отрицательно качает головой Лейла.

– Разве я сомневался в том, что ты любишь меня и верна мне?

– Нет.

– Разе я когда-то был жесток и груб?

– Нет, никогда.

– Тогда сделай так, чтобы мне никогда не захотелось сделать ничего из того, что я перечислил, – прохладно говорю я и, потрепав девушку по щеке, неторопливо направляюсь к лестнице.

Как я и предполагал, Аида ждет меня в постели. Обнажённая медноволосая красавица чувственно улыбается мне, приподнимаясь на разбросанных по кровати подушках. Небольшой рост вполне компенсируется длинными ногами, округлыми бедрами и очень тонкой талией. Грудь небольшая, но форма идеально подходит для наполнения мужской ладони. Маленькие соски очень чувствительны к ласке как грубой, так и нежной... Скромность и робость Аида сбрасывает вместе с одеждой, едва переступив порог моей спальни. Лейла была бы неприятно удивлена, узнав, что тихая и незаметная вторая жена, которую она не воспринимает как соперницу, способна вытворять в постели вещи, которые бойкой и страстной Лейле как в жизни, так и в сексе и в голову бы не пришли. И, если первый раз я женился из чувства долга, то второй... второй раз все было иначе.

Кинув футболку на пол, я медленно приближаюсь к постели, глядя не в немигающие серые глаза Аиды. Есть в них нечто запредельное, иногда пугающее до жути. Холодные серебристые с черными непроницаемыми зрачками, хранящими в своих глубинах печаль и что-то еще, неподвластное моему пониманию. Еще одна неразгаданная тайна, но я никогда и не стремился раскрыть ее до конца. Она будит во мне противоречивые эмоции, сильно отличающиеся от тех, что вызывает Лейла. Робость и покорность Аиды иногда приводят меня в ярость, беспрекословное послушание вызывает раздражение, тихий спокойный голос – желание встряхнуть и заставить наконец заговорить собственными словами, а не теми, что от нее хотят услышать. Лейла может спорить, устраивать сцены ревности и капризничать – я даже бровью не поведу, но Аида... Словно Шайтан в меня вселяется, когда мы оказываемся наедине. Возможно, все дело в том, что серые глаза ассоциируются у меня с женщиной, которую я бы предпочел забыть, но иногда еще вижу в кошмарах. Невозможно стереть из памяти тот хладнокровный выстрел в слепого мальчишку муэдзина, надменную самоуверенную ухмылку на накрашенных губах, ледяной

равнодушный взгляд в тот момент, когда ее подельники избивали меня, вытащив из раскалённой клетки, чтобы потом обезумевшего от жары, боли и жажды бросить обратно. Я никогда не мог предположить, что в женщине может уместиться столько жестокости. Аллах создал женщину, чтобы она дарила мужчинам сыновей и дочерей, а не для ненависти и войны. Очнувшись в госпитале Анмара спрашивал у Таира Кадера, что случилось с той сероглазой шармутой, и он ответил, что военные уничтожили всех. В обратном случае я нашел бы ее и пристрелил лично.

– Что мой муж желает сегодня? – приглушенным шепотом спрашивает Аида, грациозно смещаясь на край кровати. Прижимается щекой к моему прессу, ласково скользнув ладонями вверх, оглаживая грудные мышцы. – Как же я скучала по тебе, Джамаль, – вздыхает она, и в следующее мгновение я чувствую прикосновение ее теплых губ к моей коже. Каштановые локоны закрывают изящную спину почти до талии, рассыпавшись густыми вьющимися прядями. Запустив в них пальцы, собираю их на затылке и грубо оттягиваю назад, запрокидывая лицо девушки. Она встает на колени, обвивая руками мои плечи, в темных зрачках плещется вязкое темное желание, и я мгновенно реагирую на него. Горячая кровь устремляется к паху, заставляя член пульсировать от напряжения. Я не мог остановить свой выбор на Лейле сегодня. Даже если бы она не сунула свой нос в мою мастерскую, я позвал бы Аиду. Только она способна дать мне сейчас то, что требует разгневанный пробудившийся дракон, загнанный в клетку. Я на пороге войны, все инстинкты оголены, тело и разум жаждут не нежности и ласки, а жёсткого животного насыщения. Лейла никогда не сможет удовлетворить этого зверя. А я не выношу женских истерик и слез.

– Покажи, как ты скучала, Ида, – хрипло требую я, сжимая ее волосы сильнее, тяну назад, пока в уголках глаз не собираются слезы. Резко отпустив, хватаю ее за скулы, сдавливая до синяков. Она приоткрывает блестящие соблазнительные губы, между которыми мелькает розовый язычок. Маленькая змея будет извиваться и биться подо мной и позволит мне вытворять с ее телом все, что заблагорассудится.

– Аллах свидетель, я считала минуты. И он вознаградил меня за ожидание, – сдавленным голосом произносит Ида. Я ослабляю хватку, мягко погладив подушечками пальцев следы, оставшиеся на скулах. Внутри растет ощущение предвкушения дикой вакханалии, которую мы разделим на двоих этой ночью. Глаза девушки вспыхивают от вожделения, но она быстро прячет выражение триумфа и ликования под покорно опустившимися ресницами. Я знаю, что Аиде

нравится все, что я заставляю ее делать. И она будет намеренно громко кричать, чтобы Лейла захлебнулась от обиды и ревности. Робкие тихие девочки умеют бить особенно сильно, выжидая наилучший момент для удара, чтобы смаковать по кусочку свою месть, наслаждаться ею. Однажды я спросил у Иды, отчего она так громко стонет: от удовольствия, боли или из желания утереть нос Лейле. Ее ответ меня позабавил.

Когда ты рядом, сайиди (с араб. мой господин), не имеет значения, что я чувствую – боль или наслаждение, мне хочется, чтобы весь мир знал, что ты мой сейчас.

Ей удалось и не польстить мне, и не унижить соперницу, и не дать ни одного прямого ответа на заданные вопросы, но в то же время она тонко намекнула, что все три моих предположения отчасти правдивы.

Три года назад в забытом Аллахом горном посёлке Черук, наполовину поглощённым песками Махруса, рыжеволосая Аида поклялась, что станет самой послушной и нетребовательной женой для меня, что будет исполнять беспрекословно все мои желания... Любые, даже самые дикие. И она сдержала слово.

Глава 2

Беги, беги за Солнцем, сбивая ноги в кровь. Беги, беги, не бойся играть судьбою вновь и вновь.

Джеймс О'Барр.

Эрика

Сутки назад. Асад.

Может быть, Престон был прав, когда сказал мне, что я не создана для этой работы.

Но осознала я это, мать его, только в тот момент, когда на одном из мероприятий, запланированных для привлечения внимания Видада, отлучилась в туалет, оставшись без покровительства Хассана.

В лучших традициях банальных триллеров на меня напали со спины и, скрутив запястья на пояснице, до боли сцепили наручниками.

Моей первой реакцией было – истошно закричать, и не только истерики ради, а для того, чтобы электронные часы считали мой пульс и записали крик, являющийся сигналом для оперативной группы. Я действовала строго по плану и была готова к внезапному нападению: профессиональная охрана, приставленная ко мне, не позволит ублюдкам Видада или деятелям «Шатров Махруса» нанести вред агенту, для которого они должны были стать спасительной тенью, мгновенно реагирующими хранителями. Заткнули меня довольно быстро – молчаливые похитители бесцеремонно заклеили мне рот липкой дрянью, напоминающей по ощущениям скотч, и нацепили плотный тканевый мешок на голову. Помню, как удушливая резинка врезалась в шею, не позволяя нормально дышать. Я отчаянно вбирала воздух в легкие, вдыхая через нос, стараясь не паниковать и постоянно напоминала себе, что «все идет по плану». Шершавая ткань насквозь провоняла кровью, слезами и отчаяньем прежней жертвы, чье лицо было объято этим орудием пыток.

После нападения Мааба, мой натренированный организм стал острее реагировать на подобные вторжения в личное пространство, и какая-то часть меня сотрясалась от ужаса, вспоминая каждую грубую, похабную, пачкающую меня манипуляцию «ядовитого любовника». Несколько мучительных секунд я провожу в агонии, вспоминая о том, как смертельный яд неся по венам, парализуя с ног до головы, какой беспомощной, униженной и уязвимой я ощущала себя в тот момент. Нехорошее предчувствие поочередно вспыхивало в каждой клеточке тела, но я старалась расслабиться и помнить, что я должна брать верх над страхом и другими разрушительными эмоциями, присущими жертве и «наживке», но никак не профессиональному агенту.

Крепко удерживая за плечи, меня молча вывели из здания – судя по особому отношению похитителей ко мне, это действительно люди Ильдара, которым он приказал бережно и аккуратно обращаться с «его девочкой». Слишком хорошо я помню стиль завербованных сотрудников «Шатров Махруса» – вот уж кто действительно бы не осторожничал и уже давно бы приструнили меня плетью, пока отчаянно пытаюсь выволить свои запястья из плотно сомкнутых железных

колец.

Раскаленные лучи дневного солнца коснулись моих ключиц – но успели лишь слегка царапнуть, обжечь болезненным прикосновением, прежде чем верные «псы» Видада затолкали меня в нечто, по инстинктивным ощущениям напоминающее мне грузовик. Поскольку я ничего не видела, я определила это по характерному звуку двигателя и материалу, из которого сделан кузов машины.

Когда меня довольно резко поместили внутрь, и я больно ударилась головой об алюминиевую стену фургона, я все еще даже не подозревала о том, что это – начало конца. Я не боялась, не тряслась от страха и ужаса, представляя оперативную группу, следующую за мной и похитителями во главе с Зейном. Хассан не позволит себе допустить такую ошибку и потерять свою подопечную. У него все под контролем, и мы с ним не раз обсуждали то, что мое «похищение» может случиться в любой момент.

Собственно говоря, этого я и добивалась, бесконечно привлекая к себе внимание Ильдара. Мы просчитывали все варианты: и тот, где он вступает со мной в контакт лично, и тот, где меня скручивают, связывают и увозят в никуда. Я в этом опасном квесте – красивая, но неприкосновенная приманка.

И я даже не слышала голосов этих ублюдков – они совершенно не разговаривали, но я слышала тяжелое дыхание одного из них совсем близко, словно он наклонился к груди и вдохнул аромат моего тела, прежде чем с оглушительным лязганьем закрыть дверь грузовика и сесть в водительский салон. Меня передернуло от мысли о том, что я сейчас совершенно обездвижена и лишена возможности защититься, и любой ублюдок может прикоснуться и принюхиваться ко мне, нарушая зону комфорта, к которой я отношусь с особым трепетом.

Бесконечные минуты, проведенные в ледящем забвении и полной прострации, дались мне легко. Я просто ехала в никуда и старалась ни о чем не думать, чтобы не нервничать раньше времени: я не мычала, не плакала, не молилась Богам о спасении, как делала бы любая другая нормальная жертва, которая вдруг осознала, что ее похищают. У таких агентов, как моя охрана, не бывает осечек, они просто не могли потерять преступников из виду или не получить сигнал о том, что я в опасности... к тому же Зейн явно понял, что что-то пошло не так, когда я не вернулась из туалета через десять минут.

Я в безопасности – повторяю мысленно, стараясь не думать о том, что в последний раз я ощущала себя по-настоящему защищенной... ровно полгода назад. Когда сильные руки Джейдана обхватили меня, прижали к горячей груди. Помню, как он медленно покачивал меня, так бережно, мягко, а я мысленно удивлялась тому, как можно быть одновременно таким сильным, беспощадным, хладнокровным, за секунду уничтожить Мааба, и быть совершенно иным со мной. Тепло его рук и жар всего тела Джейдана обхватывали несильным незримым куполом, надежным щитом, в объятиях которого я чувствовала себя максимально гармонично и безопасно. Но сейчас его рядом нет, и я знаю, что Джейдан не сможет спасти мою задницу вечно.

Не знаю, сколько времени я тряслась в железной коробке, не могу сосчитать, сколько синяков осталось на моем теле, пока меня мотало по полу, как мотылька, которому склеили крылья. Щемящее чувство в груди возросло мгновенно, когда тонкий детский голос, что я услышала, беспощадной стрелой пронзил мою душу и разрушил первый слой абсолютного внутреннего спокойствия:

– Мама... мамочка. Где моя мамочка? – едва слышимый шепот безжалостно поджег мое сердце гневом и яростью, которую я мысленно обратила на этих ублюдков. Маленькую кроху, находившуюся вместе со мной, явно везли в «Шатры Махруса», где она станет новеньким и дорогостоящим товаром, а душа девочки навсегда будет лишена детской непосредственности, светлой наивности и веры в чудеса. Она тихо всхлипывала, а мое сердце разрывалось от ужаса и жалости, пока я оставалась немой и связанной, и даже не могла успокоить ребенка. На какое-то время мне показалось, что мы чувствуем друг друга и понимаем без слов – я знала, что девочке хочется плакать навзрыд, но она держится, опасаясь вызвать гнев похитителей, которые наверняка успели ей хорошенько вдарить и ясно дали понять, что ждет малышку, если начнет закатывать истерики. Я не нашла лучшего способа, кроме как придвинуться поближе к ней, и ободряюще коснуться лбом ее крохотного плеча. Совсем маленькая. Связанная и плененная, она прижимается к моему лбу, словно маленький слепой котенок, и всхлипывает, едва слышно шепча молитвы на родном языке. Думаю, ей не больше девяти лет... тот самый возраст, в котором я сама была доставлена в «Шатры Махруса».

И, кажется, это происходит снова.

Я не знаю, сколько провела времени в пути: возможно, на несколько часов уснула, отключив потаенные терзающие душу страхи и мысли. Наконец мы резко затормозили, дверь грузовика распахнулась с жуткими царапающими слух звуками.

– А это еще кто? – на арабском интересуется тот, кто, очевидно, принимает новую «поставку» в Шатры Махруса, имея в виду прижавшуюся ко мне девочку, которая только недавно перестала дрожать и, увидев место, в котором оказалась, затрепетала с новой силой. Я могу лишь вспомнить обстановку, царящую в «Шатрах Махруса»: нечто вроде огороженных полигонов, расположенных в нескольких точках пустыни, представляющих собой скопление роскошных и простых шатров, клетки с людьми и небольшие хижины, за завесами и дверьми которых происходят торги за тела, «дегустация товара», обучение рабынь и деловые переговоры. Мягко говоря, находиться здесь неприятно, даже учитывая то, что я пока абсолютно ничего не вижу. Зато я почти уверена, что слышу полные мук и боли женские крики, и это придает мне сил и стремления к одной единственной цели – свернуть деятельность «Шатров» и навсегда стереть с лица земли этот маскарад жестокости.

– Нашли на рынке, Азиз. Решили, что свежий и столь невинный товар никогда не будет лишним. Так сказать, небольшой бонус к главному заказу, – не в силах удержать свой гнев, я отчаянно дергаю ногой, наивно рассчитывая на то, что вмажу одному из ублюдков по яйцам. Знаю, что не должна проявлять агрессию, чтобы не спровоцировать сбой в плане, и все же не могу сидеть сложа руки, точнее ноги, когда в таком ключе говорят о ребенке, о маленькой девчонке, к которой я успела прикипеть, даже не видя ее лица, лишь прочувствовав и разделив с ней ее страх, который полностью повторял пережитый мной ужас в детстве. Порыв альтруизма заканчивается полным фиаско, дрожь отвращения резко проходит по моему телу, как только я ощущаю липкую и шероховатую ладонь одного из подонков (скорее, Азиза), плотно обхватывающую мою щиколотку.

– Вы уверены, что это она? Эрика Доусон? – большой палец араба медленно скользит по моей коже, и я вновь содрогаюсь от ощущения брезгливости и его мерзкого двусмысленного прикосновения ко мне. Я сейчас жалею о том, что мой рот плотно заклеен, и меня не может стошнить прямо в его ублюдочную морду. – Эту в загон, к остальным детям, – отдает приказ так называемый «Азиз». Мне сложно называть эту Тварь человеческим именем. И все они здесь хуже животных – деятели «Шатров Махруса» – настоящие браконьеры, охотники на

живую плоть, организовавшие свой собственный «черный рынок», приносящий их верхам миллиарды долларов в год.

– Абсолютно уверены, Азиз-бей (*бей с араб. – господин. Военное и административное звание. Бей – вождь, возглавлял родовое ополчение в общеплеменном войске. Постепенно стало вежливым обращением к уважаемому лицу.), – отвечает один из моих похитителей, и по опускающимся нотам в голосе могу представить, как он почтенно склоняет голову перед Азизом.

– Ее трудно узнать в одежде. Хотя должен признать, что в длинном платье объект выглядит еще более соблазнительно, чем на фотографиях, – добавляет второй, низко прогоготав и хрюкнув. Девочка, все еще прижимающаяся ко мне, замертво вцепилась в мое предплечье, но я не чувствую физической боли, полностью сосредотачиваясь на разговоре мужчин. Арабский я, конечно, знаю, и знаю неплохо, но после стольких лет без практики приходится напрягаться, чтобы полноценно понимать их речь сквозь слои тошнотворного мешка. Я сто раз помою голову, когда все закончится, чтобы избавиться свои волосы от жуткой вони.

Когда ладонь Азиза скользит чуть выше, моя нога вновь инстинктивно дергается, кулаки непроизвольно сжимаются, пульсирующая боль вспыхивает в затекших за спиной запястьях. Мне хочется кричать, но это приводит лишь к тому, что я начинаю задыхаться.

Держи себя в руках, Эрика. Ты здесь для того, чтобы выманить Ильдара. Ты под надежной защитой, за тобой наблюдают, тебя оберегают. Ты знала, что так все и будет, когда шла на это. Все хорошо.

Все, бл*дь, просто отлично.

– Это точно. Что ж, вы быстро справились с заданием. Видад будет в восторге от нашей оперативности.

– Он заберет ее лично?

– Нет, – категорично отрезает Азиз, сжимая икроножную мышцу своим шершавым и мерзким щупальцем – именно так я могу охарактеризовать его прикосновения, и никак иначе. – У нас есть сутки, чтобы подготовить ее к

передаче покупателю. За ней явится подельник Видада. Хотя, учитывая проблемы, возникшие в ходе операции, я намерен поднять цену вдвое.

– В начале мы столкнулись с определенными трудностями, но поймать и привести ее сюда, было довольно просто.

– Вы не принесли за собой хвост?

– Нет, мы все проверили, Азиз-бей, – ага, как же. На то, меня и оберегают лучшие агенты ЦРУ, чтобы оставаться незамеченными до необходимого и кульминационного момента.

– Отличная работа. Сейчас, ей нужно будет провести типовые процедуры перед передачей и поселить в отдельном шатре. Руки оставить связанными, грязный рот заклеенным. Я навещу ее после подготовки. А пока приму другую поставку, – с ухмылкой в голосе заключает Азиз, и я стараюсь не думать о каких, мать его, процедурах идет речь. – И напоминаю: ее нельзя трогать. Никому, кроме меня и заказчика. Я вам руки отрежу, если узнаю, что товар подпортили. Наша задача – наоборот, привести ее в полный порядок перед продажей. А эту, пожалуй, отправьте к подросткам, – заканчивает Азиз, имея в виду тихо завывающую малышку. – Ей лет девять, верно? Чудесный возраст для того, чтобы воспитать в ней преклонение и покорность, – у меня все внутренности скручиваются от леденящих душу слов ублюдка и страха за девочку. Нет! Не позволю...

– Будет сделано, Азиз-бей, – и как только меня хватают и достают из грузовика, я слышу, как девочка начинает кричать на разрыв аорты, за ее болью следует хлесткий удар по щеке. Сердце мгновенно разрывается на части, на смену тьмы перед взором, приходит алая пелена, которая срывает внутри все рамки и желание держать чувства и эмоций под контролем. Не задумываясь о последствиях, я лягаюсь ногами прямо в воздухе, пока двое из ублюдков держат меня за плечи, и попадаю прямо в яблочко – по яйцам Азиза, из уст которого мгновенно вырываются такие ругательства на арабском, которые я почти никогда не слышала. Надеюсь, ему больно, очень больно. И я знаю, что черта с два я понесу за это наказание – я заказ самого Ильдара Видада, ничего эти мрази со мной не сделают.

– А девочка, судя по всему, смелая и горячая, Азиз-бей, – ободряющим голосом пытается разрядить обстановку один из ублюдков, пока Азиз пыхтит и

наверняка корчится от боли, прикрывая рукой свои ни черта не стальные яйца. Зла не хватает, я бы здесь всех нахрен кастрировала. Не могу я спокойно реагировать, когда речь идет о невинном ребенке... будь мои руки не связаны, я бы на всех отработала свои навыки джиу-джитсу.

– Думаешь, это тебе сойдет с рук, Эрика Доусон? – яростно шепчет Азиз, сжимая мощный кулак на моем горле, и без того затянутого мешком в тугий узел. – Думаешь, ничего тебе сделать не могу, шармута? А об этой девчонке, которую так яростно пытаешься защитить, ты не подумала? – сплевывает в сторону Азиз, заставляя мое сердце болезненно сжаться от мыслей о девочке. Страшно представить, сколько там таких еще, но после того, как все закончится, я лично сделаю для малышки все, что в моих силах, чтобы восстановить ее психику, и исцелить душу. Если это, конечно, еще будет возможно... – Успокоительное ей вколите. И побольше. А то больно смелая и резвая, еще и подготовке вздумает сопротивляться, шармута грязная. Нам ни к чему эти неудобства и бесполезная трата времени, – это последнее, что я слышу, прежде чем, ощущая, как вену пронзает острая игла, одним касанием высасывающая из меня все силы.

* * *

– Эрикааа, – обманчиво ласковым голосом тянет Азиз, сжимая мои скулы напряженными пальцами. От невероятной, давящей боли я резко просыпаюсь, и широко распахнув веки тут же прикрываю их, не в силах смотреть на свет, и на морду этого ублюдка, после столь долго пребывания во тьме и неведении. Пока я спала, я лишь иногда просыпалась и чувствовала, что со мной происходит: несколько женских рук работало над полным очищением моей кожи перед «передачей заказчику». Смутно помню то, как меня мыли, что довольно унижительно само по себе – я действительно ощущала себя куском мяса, которое нужно ошпарить, снять с него верхний слой кожи и хорошенько промыть, перед готовкой. Уверена, мне даже депиляцию всего тела сделали, и когда я наконец вновь открываю глаза и перевожу взгляд на свои ноги, я понимаю, что угадала – на ногах ни единого волоска, безупречная гладкость, какая бывает только после косметических процедур. И судя по ощущениям между бедер, меня хорошенько приготовили для того, чтобы Ильдар воспользовался мной в самое ближайшее время. Это отвратительно, мерзко, угнетающе. Хочется закричать в голос, что не подписывалась я на подобное, но вместе с этой мыслью приходит и понимание того, что это – моя работа. Скоро я буду спасена, кошмар закончится. Все это стоит того, чтобы спасти таких как я, и Алия из «Шатров Махруса». Я чувствую себя еще более уязвимой и униженной, чем в тот день, когда Престон ворвался

ночью в мою спальню.

Они прикасались ко мне, пока я находилась без сознания, и факт того, что это были женщины, ни черта меня не радует. Меня по-прежнему тошнит, несмотря на то, что от мешка на моей голове и следа не осталось – удивительно, но исчез даже мерзкий запах, и теперь мои чистые и слегка завитые локоны благоухают цитрусом и морскими нотками. Я облачена в длинное черное одеяние, напоминающее паранджу, одетую на совершенно обнаженное тело. Подобный наряд на женщине – мечта любого арабского мужчины и покупателя.

– Твое американское имя очень красиво, – нервно выдыхаю, всматриваясь в черные, стеклянные, ничего не выражающие и безжизненные глаза Азиза. Пустые, черные зеркала, от которых я не имею право отвести взгляд, и показать ему свою слабость.

– Хочешь, я освобожу твой грязный рот, маленькая шармута? – с издевкой интересуется Азиз, пока я продолжаю изучать его внешний вид: мужчина выглядит как типичный бедуин и пустынный кочевник, его полное и крупное тело, скрывает коричневая кандура и красно-белая куфия, скрывающая шею и подбородок. Не дожидаясь моего ответа, Азиз резко и беспощадно сдирает скотч с моих губ. Кусаю губы, чтобы сдержать крик, сконфузившись от невероятной боли, что агонизирующей дрожью проходит от лица до кончиков пальцев ног. – Хочешь я облегчу твою боль, шармута? – продолжает дразнить Азиз, прикасаясь к моим губам своими зловонными и грубыми пальцами. Плотно сжимаю их, молчу лишь по той причине, что не хочу, чтобы он засунул эту мерзость мне в рот. Но он продолжает настойчиво гладить их, прикасаться ко мне, не разрывая зрительного контакта, и вновь не выдерживая подобного отношения, я толкаю ногу вперед – это все, что я могу сделать, потому что мои руки по-прежнему связаны за спиной.

– Кхара! Грязная кхара и шармута. Наверняка, ты чертовски горяча и импульсивна в постели. Это считывается с каждого твоего движения, Эрика. Твое тело создано для того, чтобы доставлять мужчинам удовольствие. Согласна? – Азиз вновь хватает меня за ноги, на этот раз, крепко удерживая в своих лапах обе, поставив меня в двусмысленное положение: только сейчас, я понимаю, что нахожусь в одной из хижин, которые ранее я видела только снаружи, и лежу на мягком мате, покрытом пледами. Лежать на одном матрасе с этой тварью, соприкасаясь с ним телами – не то, что входило в мои планы. Я рассчитывала на «особое» отношение от начала и до конца. В конце концов, они

не тронут меня, потому что обязаны передать Ильдару в целостности и сохранности... правда?

– Заказчи-к-к будет очень недоволен, когда узнает, что ты меня лапал, ублюдок. Отпусти-и, я сказала, – с ледяным спокойствием, едва ли не по слогам чеканю я, заикнувшись в двух словах.

– Да, Ильдар будет недоволен. Если конечно узнает об этом, и поверит тебе. Но вот в чем дело, Эрика, – окинув меня жадным взглядом, Азиз проводит кончиком языка по пересохшим губам, вновь вызывая во мне острое желание поговорить с отражением в унитазе. – Ты уже давно не девочка, стало быть, пользованная уже. Одним членом больше, одним меньше... какая заказчику разница? Ты ведь же б/у товаром на нашем рынке считаешься. Хамер с пробегом. Удивительно, что так дорого стоишь: не невинна, и не так молода, как многие другие чистые тут девочки. У нас нетронутые девушки по такой цене, которую за тебя заплатят редко уходят. Вот и хочется проверить, что в тебе такого, кроме красоты, шармута, что стоишь ты, как квартира в сердце Асада. Ублажишь меня – дак может и женой своей сделаю, и не придется всю жизнь Ильдара и его друзей обслуживать, уберегу тебя от подобной участи. Что думаешь, Рика? – похабно улыбаясь, он поглаживает мои плотно сжатые колени, сквозь слой ткани, а у меня в висках почему-то пульсирует только одно имя, и мысли все только о Джейдане, когда я начинаю остро ощущать, что мне угрожает опасность.

Джейдан. Джейдан.

Но Престона здесь нет, как и оперативной группы... неужели они не вмешаются, если этот ублюдок начнет меня насиловать?

Судорожно опускаю взгляд вниз, больше не в силах смотреть в простреливающие веру в чудо глазницы Азиза. Делаю глубокий выдох и стараюсь успокоиться, но новая волна паники, накрывшая с головой, доводит меня до ледяного пота. Ткань паранджи плотно прилегает к плотному телу, когда я замечаю под свободной одеждой Азиза «красноречивую» выпуклость, кричащую о его мужском голоде и возбуждении. Я не представляю, что можно ожидать от восточного мужчины, пребывающего в таком состоянии. Не представляю. Но чувствует мое сердце, что, если буду молчать – добром это не кончится. Эм, чтобы такое ляпнуть, чтобы усмирить его пыл?

– Убери с глаз моих свой маленький член, – яростно выплевываю я, задыхаясь от внутренней и клокочущей злости. Не могу я, достали. Тошнит меня от их стояков и рук грязных. В жизни секса не захочу больше. – Иначе я расскажу Ильдару о том, что все ты со мной сделал, и где надо – приукрашу. И поверь, для него имеет значение, тронешь ты меня или нет. О моих двух партнёрах он знает. И в Америке это количество считается показателем скромности, а не распущенности, – и это – правда. Со мной подруги часто делились своим опытом, и многие едва ли не каждый месяц меняли партнера. Брови Азиза до предела сдвинулись к переносице, губы плотно сжались – я явно вывела его из себя, задела знаменитое и раздутое до Божественного, знаменитое Эго восточных мужчин. Так и надо тебе, тварь. Скажи спасибо, что не «малышом» его назвала. С облегчением выдыхаю, замечая, как «второй мозг» Азиза поумерил свои аппетиты. Вялым членом, он едва ли меня изнасилует, это не может не радовать...

Но как выяснилось, обрадовалась я рано. Слишком.

– Хотя я не собираюсь перед тобой оправдываться, ублюдок. Просто убери от меня свои грязные лапы, – огрызаюсь я, и снова пытаюсь заехать ногой Азизу по челюсти.

– Остра на язык, шармута, – приблизившись к моему лицу, ублюдок резко схватил меня за волосы, потянув их вниз, и приподняв мой подбородок, поддев его пальцами. – Два раза успела меня унижить, дрянь. Думаешь, просто так тебе с рук сойдет? Не буду я тебя трахать, не беспокойся. Я девственниц люблю, своим вкусам верен и останусь. Но за унижение, ты отплатишь унижением, дрянь. Никакой передачи заказчику, я имею право отказаться от денег, предложенных Ильдаром. Они большие, но я передумал... На аукцион тебя выставлю, тварь продажную и еще дороже продам. Все тебя как кусок плоти рассматривать будут, на котором ценник висит. А покупатель – испробует на месте. А покупатели на аукционе разные бывают...такие, что тебе Ильдар и я, покажемся святыми и симпатичными, кхара неблагодарная, – Азиз резко отпускает меня, слегка толкая к стене, и встает на ноги, пренебрежительно скривив тонкие губы, и окинув меня снисходительным взглядом.

– Вот и проваливай, ублюдок, – я все еще отчаянно борюсь с желанием плюнуть ему под ноги, но слишком хорошо помню, чем подобное неуважение в сторону мужчины с востока окончилось в последний раз.

– Посмотрим, каким голоском ты запоешь завтра на аукционе, Рика. Ты пожалеешь о том, что посмела ударить и оскорбить меня. Очень сильно пожалеешь, – злорадно улыбнувшись напоследок, Азиз скрывается за плотной тканью, служащей дверью в тесный шатер.

– Пошел к черту, – сквозь зубы, вырывается у меня, хоть я и знаю, что Азиз меня уже не слышит. Лучше свои эмоции при себе держать, ни к чему хорошему это не приводит, черт подери. Только план весь на осколки разбиваю, и ума не приложу теперь, как оперативная группа будет выкручиваться. В любом случае, медлить будет нельзя, и как бы не складывался аукцион, я буду ждать их появления.

Выдохнув полной грудью, опираюсь затылком о ткань шатра, в очередной раз напоминая себе о том, зачем я вообще здесь нахожусь. Почему рискую своей жизнью? И не могу выкинуть из головы мысли о маленькой девочке, которую, как мне кажется зовут «Эмилия» – она все время шептала это имя, хотя возможно так зовут ее сестру или маму... что с ней, где она сейчас, и как с ней обращаются? Сколько там еще таких, как она? Даже представить страшно...

Во что я опять себя втянула? Явится ли за мной группа сопровождения, на которую я так рассчитываю? Явится ли Ильдар на аукцион лично, возникнет ли конфликт с Азизом, из-за нарушения первоначальных условий?

Корни сомнений и страхов прорастают в моем сердце. Я уже перестаю сомневаться в своей интуиции и всерьез опасаясь, что что-то изначально идет не так. Не так, как мы предугадывали, планировали, обсуждали... почему у меня такое чувство, что наши расчеты с самого начала оказались неверными?

Хотя по сути, как я попаду к Ильдару – не имеет большого значения: через аукцион или обычную покупку. Подельник Видада наверняка будет присутствовать на мероприятии, и все равно выведет нас на него, мне остается лишь набраться сил и терпения, и ждать, когда крупная акула «проглотит» крючок и им же разорвет себе горло.

Так странно не испытывать и капли эмоций по отношению к человеку, который каких-то полгода назад, а на самом деле будто в прошлой жизни, значил для тебя очень многое. Ильдар был моим спасителем, учителем, твердой опорой по жизни... я идеализировала его, смотрела на Видада сквозь розовые очки, не

замечая в его ухаживаниях не просто сексуальное желание, а параноидальную одержимость мной и стремление не просто сделать меня своей женщиной, но и, как оказалось – рабыней. Именно покорности и раболепному послушанию обучают в «Шатрах Махруса» и я прекрасно догадываюсь о том, что ждало бы меня в плену Ильдара, не будь я под надежной защитой своих напарников.

Спустя долгие годы ожидания, Ильдар не захочет больше ждать, и как только я окажусь в его лапах, он найдет тысячу и один способ компенсировать свое воздержание. От одних этих мыслей, у меня волосы на затылке встают дыбом. Лучший друг моего отца, мой спаситель и покровитель – на деле, не более чем соучастник жутких преступлений, поставщик душ... Вся его благотворительная деятельность, меценатство и громкие слова – подлый блеф, красивая маска, которую я не смогла расколоть своим пытливым взглядом, вовремя не познала гнилую суть этого человека. Иногда, мне кажется, что жизнь смеется над нами... заставляя доверять людям, которых ты ловишь на подлом предательстве. И еще больше издевается, когда дарит тебе встречу с человеком, в которого ты влюбилась в девятилетнем возрасте и преподносит тебе его в качестве убийцы, будто проверяя, насколько сильно ты можешь видеть настоящую правду, абстрагируясь от навязанных другими фактов. От того, что лежит на поверхности. Жизнь всегда отчаянно требует, чтобы ты смотрел глубже, нырял в нее с головой, пытаясь отыскать на дне «сокровища», что являются истиной.

Глава 3

Я не ищу, я – нахожу.

П. Пикассо.

Пустыня Махрус

Джамаль

Обжигающий ветер пустыни бьет в лобовое стекло, пока синий Хаммер на огромной скорости мчится по раскаленному песку, ориентируясь по забитым в навигатор координатам. Мощный внедорожник несется вдоль вади, представляющей собой высохшее русло реки, что еще столетия назад наполняла эти засушливые места жизнью. Расплавленный воздух и клубы поднятой пыли образуют оранжевую дымку, ухудшающую видимость. Вокруг бесконечная пустыня; рыжевато-желтые высокие дюны, образованные сильными ветрами; справа вдоль русла древней реки упираются в безоблачное пылающее небо черные зубчатые горы, за долгие века разрушений превратившиеся в почти скульптурные произведения искусства, сотворенные самой природой, песками, временем. Махрус прекрасен: нерукотворное уникальное чудо природы, и неприручѐнное непредсказуемое дикое животное, и арена для смельчаков, готовых проверить себя на прочность. Обжигающее палящее солнце днем и жуткий холод по ночам, песчаные бури и ураганы, обманчивые миражи и ядовитые пресмыкающиеся. Чтобы выжить в противоречивой, коварной и безжизненной пустыне, необходимо знать ее правила, нарушение хотя бы одного может привести к мгновенной и страшной гибели. Безветренными ночами в Махрусе стоит оглушительная, завораживающая тишина, нарушаемая шѐпотом песков и шуршанием ползучих гадов. Здесь нет никого, кроме Всевышнего. Так говорил мой отец, но мне довелось столкнуться с теми, кто возомнил себя выше Аллаха, и пустыня не поглотила их, не обрушила на головы горячие пески. Они и сейчас где-то там, за барханами, ведут свою черную деятельность, уверенные в безнаказанности. Для них Махрус не место единения с Аллахом, а укрытие для совершения преступлений.

Сообщение Наима Азиза застало меня, когда я уже прибыл в Мирзу. Это невероятная удача и преимущество. Навигатор нарисовал мне путь, посчитав время. Для меня сейчас главное – прибыть раньше человека Ильдара.

– Ты на месте, Джамаль? – спрашивает в наушнике голос технического координатора.

– Почти, Халид, – отзываюсь я, оглядывая окружающие меня песчаные дюны. – Буря начинается. Сигнал, возможно, пропадет на время.

– Странно, метеорадары не показывают никаких волнений по твоим координатам.

– Халид, поверь на слово. Я пересекал Махрус десятки раз. Выкинь к Шайтану свои программные погрешности и датчики. В пустыне погода меняется каждую минуту.

– Джамаль, постарайся удерживать сигнал по возможности.

– Конечно, Халид, – уверенно заверяю я. Вытаскиваю наушник и, опустив окно, выбрасываю его в горящий зной; поправляю плотные темные очки, без которых даже тонированное лобовое стекло не спасет от ожога слизистой глаз. Дернув сигарету из пачки, включаю на полную громкость тяжелый металл и с удовольствием затягиваюсь. Зажав сигарету зубами, одной рукой удерживаю руль, другой, задрвав темно-синюю свободную кандуру, хлопаю по карману брюк из тонкого хлопка, надетых на голое тело. До конечного пункта остается пару миль. Достав из кармана портативный глушитель GPS, включаю его одним нажатием кнопки, выдыхая облако серого дыма прямо в салон. Устройство глушит не только навигационные системы, установленные в Хаммере, но и любые мобильные средства связи в радиусе пары километров. Поверьте, для пустыни это достаточное расстояние, чтобы успеть скрыться так, чтобы тебя не нашел ни один спецотряд, вооруженный всеми возможными шпионскими ноу-хау.

Включенный на полную мощность кондиционер охлаждает внутреннее пространство салона, усиливая диссонанс с внешним пеклом. Вдалеке наконец-то появляется небольшой импровизированный лагерь. Несколько небольших грязно-серых палаток и шатров цвета хаки, пара каркасных устойчивых строений. По периметру выставлена вооруженная охрана в армейской форме. Лица плотно закрыты платками-куфееми. Справа выстроилась шеренга Хаммеров разных моделей и вариаций, Доджи, Ленд Роверы, парочка статусных Мерседесов G-Wagen. Слева армейские вездеходы – багги с установленными на них пулеметами. Нехило так вооружились. Со стороны все увиденное мной напоминает развернувшийся в пустыне военный лагерь.

На пропускном пункте меня заставляют выйти из Хаммера, долго и достаточно грубо обыскивают, потом пропускают в лагерь, где уже собралось немало народу. Только идиот сунулся бы сюда с оружием. Автомобиль, надо заметить, осматривают поверхностно и бегло. Один из торговцев отгоняет его к остальной шеренге. Разумеется, я не явился в пустыню, где под каждым барханом поджидают вооруженные до зубов поставцы, работоторговцы без средств защиты. Просто прятать уметь надо так, чтобы тебя не убили из твоего же автомата. К

тому же, вероятнее всего, табельным оружием воспользоваться я в ближайшее время не смогу, а от балласта нужно уметь избавляться без сожалений.

Пристально разглядывая собравшихся, я пытаюсь выявить засланного человека Видада. Это сложно сделать, учитывая, что у меня нет ни одной зацепки относительно его личности и внешности, а все прибывшие покупатели точно так же, как и я, с ног до головы облачены в свободные одежды, защищающие от пыли, песка и жара пустыни. Поправив куфию, и пользуясь тем, что глаза скрыты очками, поочерёдно рассматриваю каждого, пока не натыкаюсь на появившегося из шатра Наима Азиза. На фоне белой куфии загорелое лицо мужчины выглядит почти черным. Сверкнув зубами в фальшивой улыбке, Азиз направляется прямиком ко мне, приветствуя, как старого друга.

– Ас-саламу алейкум, Заир-бей, – пожав мою руку, он хлопает меня по плечу. Я сдержанно отвечаю на приветствие. – Не ждал тебя так рано. Не терпится получить свою хатун (с араб – царица, королева)? – подмигнув, продолжает скалиться Азис. – Готов поторговаться?

– Если хатун придется мне по душе, то я заплачу любую цену, – бесстрастно улыбаюсь я.

– Аллах свидетель, ты обязательно выберешь ту, что станет жемчужиной твоего дома. Мыть, стирать, ублажать, танцевать. Мои хатун все умеют, – хвастается Наим.

– Слов мало. Хотелось бы взглянуть, Азиз-бей. Я бизнесмен, мое время дорого. Я могу посмотреть товар первым?

– Сразу видно, что заламе (с араб. мужчина) пришел не шутки шутить, а хатун выбирать, – одобряюще кивает Азис. Прищурившись, смотрит мне в глаза. – Но правила для всех едины. Я выполнил твоё пожелание. И в торгах будут целых три девушки с белоснежными волосами, прекрасные и сладкие, как персик, – поцеловав сложенные большой и указательный пальцы, заверяет меня торговец.

– Так говоришь, словно успел попробовать, прежде чем выставить на продажу, – пряча гнев под дружелюбным тоном, отвечаю я.

- Побойся Аллаха. Я честный человек, – цокнув языком, качает головой Наим. Так я и поверил. – Многие девушки до сих пор невинны и чисты, как слеза пророка.
- Но не все? – напряженно уточняю я.
- Предпочтения у всех разные, – разводит руками Наим. – Ты просил девственницу со светлыми волосами и белой кожей, – напоминает он мне.
- Я передумал. И блондинки меня больше не интересуют, – подняв раскрытую ладонь, заявляю я. – Пусть будет брюнетка с голубыми глазами.
- Купец платит, я предлагаю товар. Ты выберешь себе другую. Европейки с прозрачной кожей и шелковистыми волосами цвета серебра всегда уходят с аукциона первыми. Возможно, ты передумаешь, когда взглянешь на них поближе.
- Ты гарантируешь мне, что я смогу купить любую девушку?
- Слово даю, Заир-бей, – сияет белозубой улыбкой Наим. – Если твоя цена будет выше последней, то товар твой. Таковы правила аукциона. Но сразу хочу предупредить, что хатун, подходящая под твое описание, была заказана другим покупателем.
- Правила же едины для всех? – напоминаю я. Склонив голову набок, Азиз пристально рассматривает меня с головы до ног, явно оценивая мои материальные возможности. Их сложно определить по одежде, которая в пустыне у всех практически идентична.
- Заир-бей, не пытайся подловить меня на нечестности, – почесав густую бороду, он опускает взгляд на мои дизайнерские часы, подаренные на свадьбу Таиром Кадером. Их цена превышает стоимость трех Хаммеров последней модели. В обсидиановых глазах Азиза появляется алчный блеск. Я уверен, этот хитрый сукин сын будет торговаться до последнего. Но с часами я расстаться не готов. Не уверен, что смогу их вернуть однажды, как это случилось с перстнем моего отца. – Я – торговец, ты – покупатель. Ты заказал товар, я привез. Разве тебе понравится, если твой заказ купит другой?

– А в чем тогда смысл аукциона? – невозмутимо парирую я.

– Конкуренция, ас-сайед (с араб. уважаемый господин) Заир, цена может возрасти в несколько раз во время торгов.

– Так если моя цена окажется выше, я смогу купить заказ другого покупателя?

– Заир-бей, со всем уважением, – мерзкая снисходительная усмешка кривит его губы. – Я не думаю, что ты настолько богат, чтобы перекрыть цену, предложенную за хатун, которую ты еще даже не видел. В любом случае, нам нужно дождаться торгов, – деловито добавляет он. – Я так ни разу и не спросил, для чего ты покупаешь себе рабыню? Ты не обязан отвечать, но утоли мое любопытство. Любовница тебе нужна или рабыня? Чтобы получить первую, не нужно ехать в Шатры Махруса. Рабыня тоже не стоит таких денег, но это не мое дело. Влиятельные мужчины приходят на аукцион и платят, а что потом происходит с девушками – не моя забота.

– Интересный ты человек, Азиз-бей, задал вопрос и сразу передумал, – ухмыляюсь я, снимая очки и убирая в карман брюк. – Ты правильно понял, рабыня мне нужна, обученная, бесправная, покорная, безымянная, которую никто не станет искать, если вдруг мои... хмм воспитательные меры выйдут за пределы дозволенного. Понимаешь, о чем я? – прищурившись, бросаю на торговца выразительный взгляд.

– А ты опасный человек, Заир-бей, – сверкнув черными глазами, фыркает Азиз, снова ударяя по плечу. – Я понял тебя. Некоторые хатун нуждаются в жесткой руке. Какой прок от девицы с норовом? Одна забота и головная боль. Аллах создал женщин для удовлетворения наших желаний и рождения сыновей.

– И было бы лучше, чтобы он создал ее немой? – приподняв брови, спрашиваю я. Азиз расплывается в широкой улыбке.

– Нет, Заир-бей, женщина должна научить наших сыновей говорить. – отвечает он. Я коротко киваю в знак согласия. Разговоры о сыновьях неожиданно напоминают, что за пять лет брака Лейла так и не родила мне сына. Аиду я взял три года назад, и она тоже пока не забеременела. Удивительного мало, учитывая, что дома я нахожусь не больше пары месяцев в году. Однако Кадер неоднократно намекал, что нам с Лейлой стоит поработать над рождением

наследника, но сейчас этот вопрос меня волнует меньше всего. Я никогда не задумывался о том, какой из меня получится отец при моей-то службе. Совмещать будет сложно, но, как говаривал Кадер, хороший муж всегда найдет варианты. И если перефразировать его слова, то получится: хороший отец всегда найдет время на своих детей. В данный момент гораздо важнее выкупить и вытащить отсюда одну зарвавшуюся сумасбродную девчонку, возомнившую себя суперагентом. Ее ждет крайне неприятный сюрприз, или... возможно, она тоже скучала по мне.

– Пойдем, Заир-бей, я провожу тебя к месту аукциона, – зовет меня Азиз, кивая в сторону, расположенного по центру просторного шатра. – Скоро начнём.

Эрика

Ровно через сутки нервного и довольно голодного ожидания, когда в меня не лезет ни еда, ни принесенные на чистом блюде фрукты, ко мне приходят женщины, одетые в паранджу. Сервис действительно, как и обещали, хороший. Превосходный. Разумеется, это сарказм. Две анмарки начинают с того, что раздевают меня догола и облачают в наряд для восточного танца: кажется, что еще вчера я с презрением смотрела на танцовщиц в доме Маркуса Флеминга в подобных лифах и юбках, а теперь сама оказалась одной из них. Женщины надевают на меня серебристый лиф, чашки которого соединены изысканным синим камнем, напоминающим мне глаза... одного мужчины, о котором я отчаянно стараюсь не думать. Одну бретельку спускают с линии плеча, переходят к прозрачной юбке и крохотным шортам, инкрустированным позвякивающими звеньями. Я – долбаная принцесса Жасмин. И если бы сейчас я могла потерять лампу и вызвать джина, загадала бы следующие три желания: спастись от чертового аукциона и унижения, приостановить деятельность группировки и подвесить Азиза за яйца к куполу шатра. Стиснув зубы, я молча терплю прикосновения этих женщин, прекрасно понимая, что они ни в чем не виноваты и просто выполняют свою работу. Не мужчины меня лапают, и на том спасибо.

– Товар готов, эфенди, (эфенди – уважительное «господин») – в тесный шатер врываются двое ублюдков – по запаху и характерным похрюкиваниям я понимаю, что это они самые – мои вчерашние похитители. Один из них встает за моей спиной и освобождает от наручников – мое счастье и свобода длиться недолго, потому что он тут же сцепляет их над головой снова, только в таком положении

они затекают и устают еще быстрее. Как только меня выводят из маленького шатра, эфенди привязывает мои запястья к плотной стальной нити, крепящейся к арматуре, установленной под потолком по всей длине тканевого коридора, и, черт возьми... у меня дежа вю. Примерно в таком же положении меня подвесил и Престон, когда я пришла позировать в его мастерскую.

Лаская мои губы, соски и бедра кистью... как я могу думать об этом в такой момент? Но я думаю и вспоминаю до мельчайших деталей. То, как хотелось бесконечно и безудержно касаться низом живота его мощного члена, двигаться бедрами против твердой длины, даже сквозь хлопковую ткань чувствовать его и видеть выражение сладкой боли, сводящее скулы Джейдана, когда он кончил прямо в штаны. Наш первый поцелуй, жадный и глубокий, самый горячий в моей жизни, проникновенный... мать его, меня ведут на какой-то аукцион, где планируют продать алчным ублюдкам, а я ощущаю первый за несколько месяцев прилив жара к области бедер. Что он сделал со мной своей кистью? Или, может, эти воспоминания просто помогают мне отвлечься от того, что предстоит пережить сегодня? Как бы там ни было... мне хоть немного от этого легче.

– Я бы за нее поторговался, Ясин, – обращается один к другому, пока оба ведут меня по коридору, и судя по всему, к центральному, подсвеченному со всех сторон шатру, двигая по плотной нити, словно марионетку, подвязанную за тонкие ниточки. Так и есть, и сейчас это не метафора. – Отдал бы всех своих верблюдов и Хаммер.

– И этого все равно бы не хватило, – с насмешкой отвечает Ясин, бросая плотоядный взгляд на мой обнаженный живот и выпирающую из откровенного лифа грудь. Мрази. – Торг за эту шармуту начинается с пятисот тысяч долларов. Чем ты так ценна, шлюха? – обращается ко мне, прикасаясь к плечу, вырывая из моих губ недовольное шипение. – Вы все здесь шлюхи. Все женщины были рождены, чтобы быть шлюхами и инкубатором для рождения наших детей, – злобно выплевывает Ясин, и мне приходится до боли прикусить язык, чтобы не ответить ему колкостью, оскорблением, или вдарить между ног, как и ублюдку Азизу.

Такое отношение к женщинам прививают всем завербованным в «Шатры» с рождения, и это просто отвратительно. За границей Асада, где женщины могут быть самостоятельны и почти независимы от своих мужчин, в глубинах пустыни процветает полнейший патриархат и неоправданная жестокость.

Наконец меня заводят в центральный шатер. Представление только начинается, а руки уже болят от того, что приходится держать их высоко над головой, но это все мелочи по сравнению с тем, что происходит, когда я вижу, что такое «аукцион», и едва сдерживаю выдох, выдающий мой обнаженный страх, обжигающий нутро похлеще парализующего яда.

– Добро пожаловать на «Икбаль эмир» – лучший аукцион по продаже наложниц на Ближнем Востоке, – торжественным голосом объявил один из моих похитителей, пока я с глубочайшим чувством внутреннего опустошения рассматриваю то, что происходит внутри огромного шатра. Помещение напоминает мне арену цирка, где в самом центре вместо животных, клоунов и акробатов расположены драгоценные «лоты» аукциона – девушки в восточных нарядах, поставленные в ту же позу, что и я: руки над головой, от запястий исходит прочная нить, ведущая к той, что проходит по всему периметру шатра.

Центральный круг огорожен небольшим заборчиком, который можно легко перешагнуть, и его края опоясывают несколько рядов мягких мешков, являющихся креслами для покупателей. Обстановка не самая роскошная, но самая что ни на есть восточная. Я будто перенеслась на сотни лет назад, во времена, когда Анмар был сплошной пустыней, заселенной беспечными кочевниками. Мой взгляд впитывал все, как губка, пока я пристально изучала каждого присутствующего мужчину в зале, отчаянно выглядывая Видада или Зейна, спешащего мне на помощь и находящегося под прикрытием. Но это пустая затея, учитывая то, что все мужчины на аукционе одеты в национальную одежду – самые богатые отличаются кафтанами, ткань которых вышита золотыми нитями и украшена алмазами, основная масса одета в кандуры разных цветов... почти у всех голова замотана плотным платком, а некоторые покупатели и вовсе скрывают свои лица, обматывая их не только вокруг шеи, но и вокруг всего лица. Ильдар может быть одной из этих фигур, а может, здесь и нет его вовсе... черт возьми, не так я себе все представляла.

В шатре стоит шум и гомон, мужские голоса, выкрикивающие сумму своих ставок, и объявления ведущего, что ведет торги за поставленных в центре красавиц, куда и отводят меня. Оставляют в самом центре, будто напоследок...

– Напоминаю вам, наши уважаемые покупатели и гости. Вы не имеете права прикасаться к товару до конца торгов и оплаты! Подходить, разглядывать, но не прикасаться! – слышу не очень-то обнадеживающее заявление ведущего и стараюсь справиться с мелкой дрожью, что начинает беспощадно атаковать

тело. Опускаю ресницы, стараясь не чувствовать, не думать о том, где я сейчас нахожусь. Перенестись куда-то далеко-далеко, где я в последний раз чувствовала себя хорошо... у подножия трапа, рядом с Джейданом? Или когда поняла, что он тот самый... спаситель? Почему все мои мысли возвращаются к нему?

Но они помогают мне держать дыхание ровным и спокойным и не буянить, когда ко мне подходит бесчисленное количество мужчин, тщательно разглядывающих меня перед «покупкой». Я в красках опишу Смигу, что я здесь испытала, и потребую повышения. Пройти через такой ад с моим хладнокровием – фактически нереально, потому что меня окружают не только мужской гомон, но и непрекращающиеся всхлипы будущих наложниц, еще так и не смирившихся со своей участью.

Держитесь, девчонки. Мы сделаем все возможное, чтобы спасти вас... нас.

Мне хочется просто отключиться, потерять сознание, вырубиться, заснуть, в конце концов, когда я ощущаю чье-то мерзкое дыхание на своей коже. Когда арабы прикасаются к ткани моего наряда, не дотрагиваясь до тела, но все равно нарушают все границы допустимого. Одинокая слеза стекает по ледяной щеке и тает на губах соленым океаном. Хотелось бы сейчас увидеть его... точнее, два океана, разверзнувшихся в глазах того самого мужчины.

Алия любила повторять мне избитую всеми фразу: «будь осторожна со своими желаниями, Рика, им свойственно сбываться», но, к сожалению, я более чем на двести процентов уверена в том, что сколько бы сил и энергии сейчас ни вложила в мысли о Джейдане, он не материализуется в пространстве мгновенно в качестве моего спасителя. На этот раз нет. Я растратила все свои счастливые «лотерейные билеты» от Вселенной в предыдущие разы, когда Джей приходил на помощь... всегда вовремя, в самый необходимый мне момент, будто слышал мой внутренний зов.

Порой, когда я ловила себя на тихой, постоянно подавляемой тоске по Джейдану, мне начинало казаться, что невидимый миру канал, проложенный между нашими душами, по которому мы обмениваемся своими подсознательными мыслями и чувствами, был установлен еще до нашего рождения. Такое бывает... раз или два, максимум – три в жизни, а с некоторыми людьми и вовсе никогда не случается. Когда встречаешь человека, поднимаешь на него свой взгляд и вдруг четко осознаешь: он не случайно пришел в твою

жизнь, не зря вы переглянулись и остановились на этом чертовом «перекрестке». И какими бы разными вы ни были, как далеко и по разные стороны баррикад не находились, каким бы отдаленным друг от друга странам не были отданы ваши жизни – ты не можешь отделаться от тайного знания, овладевающего душой при встрече с ним, особенным человеком: вы связаны друг с другом. Это как встретить в жизни человека, которого видел в повторяющемся изо дня в день сне... это всегда немножко магия, артефакт неизведанного нами измерения.

Я загнула, да? В моменты отчаяния и не на такое попрет, потому что я начинаю конкретно так сомневаться в нашей оперативной группе! И в Зейне, мать его, Хассане.

И кольцо, которое забрал Джейдан, в какой-то момент стало для меня символом того, что наша связь разорвана. Судьбоносная нить, проведенная между нами, которую я сама же себе и придумала – надорвалась, а быть может, никогда и не существовала. И то, что он всегда появляется в моей жизни, когда мне остро необходима его твердая рука и защита – лишь совпадение. Личное везение «задницы Эрики Доусон».

Судорожно выдыхаю, не опуская взгляд, смотрю в одну точку – уверенно и целеустремлённо, внешне никак не выдавая своих опасений и страхов. Мир расплывается перед взором, пока голодные покупатели стоят у меня над душой и дышат мне в затылок, пачкая своим грязным дыханием, но постепенно я начинаю смотреть будто не «вовне», а внутрь себя. Странные образы терзают душу и разум, я ощущаю непрерывную борьбу двух начал, заложенных во мне с рождения. Силу и женственность. Смелость и трусость, желание быть сокрытой за надежным плечом. Покладистость и умение бросить вызов, вцепиться в горло противника острыми зубками...

Джейдан сказал, что я создана для него. Но я точно знаю, что он никогда не примет меня такой, какая я есть – с моим упрямым нравом, взрывным характером, минимальной покорностью и умением «ответить», когда мне угрожает опасность. А это значит, что он ошибся...

«Я хочу сказать, я о ней думал всегда такими словами, как „неуловимая“, „ускользающая“, „редкостная“... В ней была какая-то утонченность, не то что в других, даже очень хороших. Она была – для знатока. Для тех, кто понимает.»

Джон Фаулз «Коллекционер».

Джамаль

Девушек выводят по очереди, дрожащих от страха, с поднятыми руками, испуганными, бледными, с заплаканными лицами и опущенными в пол глазами. Их толкают в спину, оставляя на импровизированной ограждённой сцене. Распорядитель торгов произносит вступительную речь, объявляя о начале аттракциона бесчеловечности и полного уничтожения человеческого достоинства. Представители шейхов, успешные бизнесмены с Ближнего Востока и просто богатые бездельники, ищущие себе красивую шлюху, покорную наложницу или дешёвую рабыню для уборки дома или другой чёрной работы, заметно оживляются. По шатру проходит возбуждённый рокот мужских голосов. На торги выставляют не только девушек, но и совсем юных девочек, юношей, детей... Смотреть на это, не имея возможности здесь и сейчас оборвать этот фарс, невыносимо. Потом... Когда мы с Эрикой будем вне зоны досягаемости, Кадер получит координаты, и этот лагерь подвергнут чистке, пленников освободят, разместив в реабилитационные центры. Но где гарантия, что там их не будет поджидать такой же, как Ильдар Видад, вступивший в сговор с властями. Как бы ни прикрывал деятельность короля аль-Мактума Таир Кадер, я понимаю, что в истории с Видадом слишком много подводных камней, о которых мне не дозволено знать. Убирают обычно тех, кто может сказать то, что не выгодно правящей касте, в обратном случае – допрашивают и ведут расследование. Но с этим вопросом, который не даёт мне покоя ещё с Нью-Йорка, я разберусь позже. Сейчас главное – вызволить Рику, не устроив тут резню и бойню.

Ее выводят на арену в середине шеренги безропотно следующих друг за другом девушек. Она оказалась как раз между двумя блондинками, которых, похоже, приготовили для меня. Какая ирония... Я никогда не любил светловолосых женщин, хотя не раз спал с ними... скорее из любопытства, а не в порыве бешеной страсти. Смысл последнего феномена я узнал не так давно. Ураган похоти пробудила во мне она... Эрика Доусон.

Я вижу ее, находясь за спинами шумно переговаривающихся возбужденных покупателей, торгующихся между собой и вслух оценивающих достоинства той или иной девушки. Опустив пониже куфию, обёрнутую вокруг головы, и оставаясь в тени, я жадно и непрерывно рассматриваю Эрику, застывшую в неудобной позе. Связанные запястья подняты вверх и закреплены стальным тросом за балку под потолком. Голова опущена, темные шелковистые волосы мягким водопадом скрывают плечи и грудь от любопытных похотливых взглядов собравшихся мужчин. Она одета так же, как остальные, с целью не скрыть тело, а максимально открыть его. Серебристый лиф с крупным поддельным аметистом в центре едва держится на полной груди, обнаженный втянутый живот и прозрачная юбка, под которой отлично видны шелковые шорты. Внутри меня клокочет дикая ярость, желание вырвать глотку каждому, кто заставил Эрику надеть эти нелепые бля*ские шмотки, достигает опасной точки. Сжимая кулаки и скрепя зубами, я продолжаю держаться в стороне от бойко идущей торговли живыми людьми. Если они дотронулись до нее... Хотя бы пальцем.

Внимательнее всматриваюсь в ее лицо, пытаюсь понять, прочитав ответ на мучающий меня вопрос. Она, несомненно, напугана: бледная, с опущенными ресницами, но с прямой спиной и упрямо поджатыми губами. Эрика не выглядит сломленной, раздавленной. Скорее всего, Видад приказал не трогать ее. Если это так, то я убью его быстро. Без мучений и пыток.

– Не любишь толпу? – снова возникнув около меня, спрашивает Азиз, пристально уставившись в мое лицо. – Глаза цвета сапфира очень редко встречаются в наших местах. Ты иностранец, Заир-бей? Или один из сыновей аль-Мактума, скрывающийся под личиной анмарского богатея?

Я негромко смеюсь в ответ на слова Азиза.

– У тебя богатая фантазия, эфенди. Я такой же торговец, как и ты, только товар другой.

– Ты выбрал себе хатун? – на мясистых обветренных губах ни тени улыбки.

– Да, – киваю я, показывая взглядом на Эрику. – Вон та, в серебристом лифе между двумя светловолосыми девушками.

- Она доставлена в Шатры Махруса для другого господина, Заир-бей, – мрачно отвечает он. Прищурившись, я впиваюсь в его лицо ледяным взглядом. – Но я готов уступить. Ее конечная цена мне известна. Сколько предложишь ты?
- Вдвое больше, – уверенно говорю я.
- Полтора миллиона долларов.
- Нет. Она столько не стоит. Никто не предложил бы столько, – я бы отдал и втрое больше, но не располагаю такой суммой. Поэтому придется блефовать и торговаться.
- И твои часы. Или я отдам шармуту тому, кто приехал сюда специально за ней, – мы одновременно смотрим на высокого мужчину в белой джалабие и такого же цвета платке. Он стоит напротив Эрики, не сводя с нее взгляда, и, хотя я вижу его только со спины, уверен, что ублюдох уже предвкушает долгую дорогу наедине с моей Эйнин...
- Шармута? Она чем-то разозлила тебя, Азиз-бей? – резко спрашиваю я, ощущая, как внутри снова закипает ярость.
- Ненавижу своенравных женщин с длинным языком, – пожимая плечами, морщится Азиз, словно я спросил о чем-то неприятном. – Я подумал, что ты сможешь приструнить ее.
- Миллион, Азиз, – озвучиваю конечную ставку. Это максимум, который я могу отдать. Больше не даст даже Видад, я уверен.
- И часы, – настаивает торговец.
- Это подарок. И они стоят не меньше пятисот тысяч. Я не могу их отдать, – качаю головой, инстинктивно прикасаясь к инкрустированному черными бриллиантами циферблату.
- Ты сделал свой выбор, ас-сайед, – и он решительно разворачивается, чтобы уйти. Шайтан его подери...

- Хорошо. Твоя взяла. - Уверенно удерживаю Азиза за локоть. Остановившись, он неторопливо оборачивается, глумливая победная улыбка кривит его губы.
- Платишь наличными?
- Да. Деньги в машине. Я скажу где, пусть твои люди заберут.
- Часы, - ублюдок протягивает руку. И, скрипнув зубами, я расстёгиваю браслет и кладу в раскрытую ладонь.
- Есть еще условие.
- Ты не в своем офисе, чтобы выставлять условия, - смерив меня тяжёлым взглядом, напоминает Наим.
- Мне нужен другой автомобиль и оружие, - не моргнув глазом, продолжаю я.
- Разумно, - кивнув, ухмыляется Азиз. - Похоже, ты знаешь, у кого умыкнул строптивую хатун. Хорошо, я дам тебе оружие и свою машину, но заберу твою.
- По рукам, - я протягиваю ладонь для рукопожатия, стараясь не смотреть, как, сунув левую руку в разрез на кандуры, сукин сын убирает часы Кадера в карман армейских штанов. - А что будет с другим покупателем?
- Мы решим проблему. Он никому не расскажет, что торги прошли не совсем честно. Мало ли что могло случиться с ним и его сопровождающими в пустыне. Я скажу заказчику, что продал товар, а что с ним случилось дальше - не моя головная боль.
- Сколько я буду тебе за это должен?
- Я хочу понаблюдать за дегустацией товара, Заир-бей. Только и всего, - невозмутимо заявляет Наим.
- Что?

- Ты меня понял, - криво усмехнувшись, уверенно кивает Азиз.

- А если я откажусь?

- Придется рассказать покупателю, что его товар ушел к другому. Боюсь, в этом случае вы оба не покинете Махрус живыми, - поглаживая черную бороду, озвучивает вероятные перспективы торговец. - Девушку проводят в шатер. Когда она будет готова, тебя пригласят. Не волнуйся, строптивая хатун не окажет сопротивления. Я позабочусь об этом, - сардонически улыбается Азиз.

- Ты пойдешь со мной? - этот вариант меня не устроит, чтобы ни стояло на кону. Придется искать другой выход, и он вряд ли понравится всем собравшимся и очень серьезно усложнит и без того непростую ситуацию.

- Нет. Зачем? - ублюдок Шайтана небрежно пожимает плечами. - У шатра есть окна. Выпей пока шотландский виски. Уверен, что в Асаде такого не достать. Здесь мы сами себе устанавливаем правила и законы. А я распоряжусь, чтобы мои люди решили проблему с покупателем. И надо еще убедиться, что у тебя есть миллион долларов, а то мало ли...

Гнусно ухмыльнувшись, Азиз коротко кивает и, развернувшись, выходит из шатра. Я перевожу взгляд на арену, где все так же, не поднимая глаз, стоит Эрика. Блондинки, которые окружали ее с двух сторон, уже исчезли, как и предсказывал Азиз, их купили первыми. С растущим негодованием и бешено бьющимся сердцем я наблюдаю, как из толпы мужчин появляется двое вооруженных подельников Азиза и толкают Эрику назад, что-то шипя ей в лицо. Она вздрагивает и поднимает голову, словно очнувшись ото сна, с яростью смотрит на того, кто стоит ближе, но благоразумно молчит, плотно сжимая губы.

Инстинктивно шагнув вперед, натыкаюсь на еще одного бородатого бедуина с блестящими черными глазами на смуглом лице в выдавшей лучшие времена военной форме защитного цвета.

- Заир-бей, пройдем к твоей машине, я заберу деньги за купленный товар, - из-под тонкой куртки отчетливо видны очертания автомата. Спорить, думаю, не стоит. Я бросаю быстрый взгляд за спину бедуина, но не вижу Эрику. Думаю, ей успели сообщить, что она только что продана, и скорее всего, мисс Доусон уверена, что счастливым обладателем является поверенный Видада или он сам.

Именно таким был грандиозный план ее руководителей из американской разведки. Они неплохо все рассчитали, ориентируясь на прогнозирование, логические ходы и сомнительную теорию вероятности, подстраховавшись кучкой обученных агентов, но в этих местах действуют совершенно другие законы, не подвластные даже нам самим, а этого боссы Управления, к сожалению, не учли. Анмаром правит свихнувшийся король-тиран, известный миру своими дикими выходками и высказываниями, без колебаний отрезавший от страны одну из своих провинций; поддерживающий кровавые революции; вступающий в бесконечные конфликты с соседними странами. Шаткий мир в Анмаре удерживает только правительственный аппарат аль-Мактума, каким-то непостижимым способом усмиряя его безумный нрав. И я понимаю, почему главный советник и премьер-министр аль-Мактума так рьяно стремится ликвидировать своего брата руками АРС. Если хотя бы тень подозрения падет на правительство, король уничтожит всех до единого. А если выяснится, что и разведка замешана – военным тоже несдобровать. Все это чревато новым восстанием. И как бы я ни хотел докопаться до правды прежде, чем ликвидировать Видада, логически понимаю, что его смерть лишит мою страну многих проблем в будущем. Анмар непредсказуем, красив и безумен так же, как и его король. Так чего ожидать от народа, который живет в стране под руководством человека с синдромом Калигулы?

После передачи денег, бедуин, представившийся мне Мусой, помогает перенести канистры с водой и рюкзаки с палатками и необходимыми в пустыне вещами, из моего Хаммера на заднее сиденье предоставленного Азизом ржавого багги характерного для пустыни жёлтого цвета. Замена так себе. Следы от осколочных пуль на обшивке и корпусе военного джипа – не самое страшное, а вот отсутствие крыши – полный трэш. Я смогу пережить пару дней под открытым небом, но Рика... изнеженная избалованная девушка, выросшая в Нью-Йорке, где все создано для комфорта людей. Знойное солнце, обжигающий ветер, пыльные и песчаные бури вряд ли ей придется по вкусу. Эрика будет в ярости, хотя... после того, что нас ждет в шатре, ее гнев будет вполне заслужен и ожидаем.

– Азиз обещал мне оружие, – напоминаю я, закончив перетаскивать вещи в багги. Сверкнув белыми склерами на фоне загоревшего дочерна лица, Муса мрачно кивает и оставляет меня на несколько минут наедине с двумя другими вооруженными торговцами. Закурив, я замечаю, как некоторые покупатели постепенно начинают покидать лагерь, загрузив в свои джипы, способные покорять пустыни, купленный живой товар. Этим детей, девушек и парней уже никто не найдет. Возможность бежать минимальна. Тот, кто платит деньги, не

любит расставаться со своей собственностью. Я запоминаю номера автомобилей, но, разумеется, никто не приедет сюда с настоящими.

Муса возвращается, когда я докуриваю вторую сигарету. У него в руках спортивная сумка. Несмотря на то, что я не озвучил свои пожелания, он почти со всем угадал. Автомат, пара пистолетов и патроны. Не совсем то, к чему я привык, но как говорится, за неимением лучшего сгодится.

– Сколько? – спрашиваю я.

– Пятьдесят, – немногословно и сильно шепелявя, называет цену Муса, показывая пять пальцев на случай, если я не пойму. Е*ать, пятьдесят тысяч за это старье? Они тут меня совсем за идиота держат?

– Хорошо. Я дам десять, и ты скажешь, что ничего мне не продавал, – понизив голос, предлагаю я. В густой бороде мелькают неровные желтые зубы. Не совсем понимаю, да это или нет. Взяв из рюкзака, загруженного в новый старый автомобиль, кожаный бумажник с казенными деньгами, отсчитываю десять озвученных тысяч и протягиваю Мусе. Расходы явно превысили все оговоренные с Кадером лимиты сумм, предоставленных мне для проведения операции. А еще и часами пришлось пожертвовать. Муса удовлетворённо кивает, бросая мне в руки сумку с оружием, которую я быстро прячу под горой дорожных рюкзаков. И почему с Азизом не получилось так же легко договориться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/d_aleks/maktub-kniga-2-peski-mahrusa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)